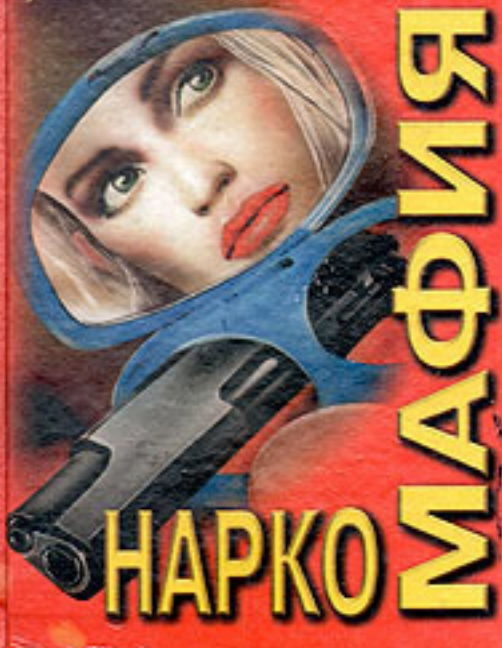

ВНЕ
ЗАКОНА

Николай
Леонов

Лучшая защита – нападение.

НАРКОМАФИЯ

Гуров

Николай Леонов

Мы с тобой одной крови

«ЭКСМО»

1994-1995

Леонов Н. И.

Мы с тобой одной крови / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
1994-1995 — (Гуров)

МУР просто так не отпускает. И не только преступников. Проработав в частной фирме, полковник Гуров вновь возвращается на Петровку. Вычислить и взять киллера, которому заказали политическое убийство, – вот его задача. Если Гуров ее не решит, то киллер решит свою. И тогда политическая ситуация в стране станет совершенно непредсказуемой и весьма опасной.

© Леонов Н. И., 1994-1995

© Эксмо, 1994-1995

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Леонов

Мы с тобой одной крови

«Акела промахнулся! Акела промахнулся!» – кричал шакал.

«Мы с тобой одной крови – ты и я».

Р. Киплинг

Пролог

Генерал Петр Николаевич Орлов и полковник Лев Иванович Гуров вернулись в генеральский кабинет из управления кадров, где полковника восстановили в должности старшего оперативного уполномоченного по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД России. Три месяца назад Гуров уволился из милиции по собственному желанию, став руководителем службы безопасности в коммерческой структуре. Уход из органов сорокадвухлетнего полковника, опера-важняка, без скандала, просто так – явление довольно редкое, а его возвращение через три месяца на прежнюю должность – случай вообще беспрецедентный.

Верочка, девушка хорошенькая, пытавшаяся держаться строго и независимо, встретила мужчин в крохотной приемной, которая являлась ее, секретаря, владением, собралась было произнести заготовленные слова, всхлипнула и, чуть ли не рыдая, забормотала:

– Значит, правда? Вернулись! Лев Иванович, дорогой!

– Вероника! – Орлов пытался смотреть грозно. – С фронта вернулся? Из тыла врага выбрался? Прогулялся кот по помойкам и на хаузе! – Он распахнул тяжелую дверь своего кабинета, глянул на Гурова. – А ты женись разом на всех девках моей конторы, и покончим с вопросом раз и навсегда!

– Верунчик, ты чего? – Гуров обнял девушку за плечи. – Петр мужик свой, умный к тому же, а иные люди неизвестно что подумать могут.

– Никто про вас ничего не подумает! – Верочка вырвалась, прошла к своему столу. – Кофе сейчас будет!

Гуров молча кивнул, прошел в кабинет Орлова, занял свое привычное место у окна.

Они работали вместе около двадцати лет, были близкими друзьями и знали друг друга настолько хорошо, насколько одному человеку дано понять человека другого.

Орлову было без нескольких минут шестьдесят, невысокий, склонный к полноте, но крепкий. Непропорционально большая голова с шишковатым лбом, бровки белесые, глазки небольшие, упрятанные, нос бульбочкой, который Орлов непрестанно трет, словно желает придать ему другую форму. В общем, внешностью он не удался. В штатском костюме, который носил ежедневно, – генеральский мундир надевался в случаях неординарных, – Орлов походил на мастерового невысокой квалификации.

Гуров был внешностью в точности наоборот. Высокий, статный, от чего казался еще выше, всегда элегантно одетый, коротко стриженный, с безукоризненным пробором, виски начали седеть, в широко распахнутых глазах, то голубых, то серых, постоянная насмешка, адресованная в первую очередь самому себе. Гуров отлично знал, что красив и элегантен. Относился к своей внешности философски, порой говорил: мол, черт с ним, с этим Гуровым, у него масса и других недостатков. И был абсолютно прав – недостатки наличествовали в избытке. Так, в Гурове всего было через край, не помещался он в отпущенной Богом оболочке, поэтому люди, окружавшие полковника, либо его обожали, либо ненавидели, равнодушных рядом никогда не было.

Такие разные, они встретились в МУРе, когда одному было за двадцать, другому под сорок. Невзлюбили друг друга, но известно: вода камень точит. А как однажды сказал Орлов: «Сыщик – не профессия, а диагноз», и, «чтоб не пропасть поодиночке», они стали друзьями.

Орлов расстегнул мундир, ослабил галстук, вздохнул, кашлянул и сказал:

– Между прочим, моя контора не проходной двор, господин полковник. Слезь с подоконника и не смотри в окно.

Гуров согласно кивнул, достал сигареты.

– Слышал, твоего зама прокуратура в камеру пригласила...

– Кажется, еще вчера ты был худенький, голубоглазый, наивный, – перебил Орлов и взглянул на часы.

Верочка принесла поднос с кофе. Генерал увидел, что чашки три, спросил:

– Станислав? – Он делал ударение на втором слоге, что придавало имени иностранный оттенок. – Зови.

Девушка дернула плечиком, насмешливо хмыкнула, расставляя чашки: ведь их было три, все ясно без слов.

– Разрешите? Здравия желаю! Явился, прибыл, готов служить! – выпалил чуть ли не в одно слово Станислав Крячко, переступая порог.

– Входи, присаживайся, рад видеть, – в тон пришедшему ответил генерал.

Гуров лишь кивнул, так как с полковником Крячко он сегодня уже виделся. Три месяца назад вместе уволились, теперь вместе вернулись. В их связке Гуров был ведущим. Крячко признавал старшинство друга легко, без комплексов, часто с радостью. Много лет назад Гуров работал в МУРе в группе Орлова, вскоре сам возглавил группу, и в нее из района пришел Крячко. Станислав был немного моложе Гурова, но тоже полковник и опер-важняк. Он не обладал стратегическим мышлением, как Орлов, не мог сравниться с Гуровым как психолог и тактик, но в сыщическом чутье друзьям не уступал.

Полковник Крячко в этом году собирался отметить сорокалетие. Он чуть ли не двадцать из своих сорока проработал в розыске. Начинать помопера, бегал по вокзалам, задерживал карманников, барыг, которые в те годы не назывались коммерсантами. В прошлом году он стал начальником отдела МУРа, но пришел новый начальник – взаимоотношения не заладились. В это время Гуров заявил о своем уходе из милиции. Они ушли вместе, теперь вместе вернулись. Недавно убили депутата Думы, власти с удивлением узнали, что в столице стреляют, причем преступники разбираются не только с коммерсантами и с банкирами, друг с другом, но могут пальнуть и в члена парламента, что настораживало. Тут же предложили уволить министра внутренних дел, но Думе кто-то шепнул, что у министра и пистолета нет, и защиты от него ждать нечего.

А возможно, все это вымыслы, и пистолет у министра имеется.

Факт остается фактом: возвращение в альма-матер двух не самых плохих, а, по слухам, так просто отличных сыщиков было своевременным. В кадрах друзей даже не ругали, лишь слегка пожурили, как добрый педагог журит любимого отличника за шалости и прогул урока.

Генерал Орлов сам оформил документы на пенсию: устал, да и начальству изрядно надоел, чуть было приказ не подписали, в последний момент опомнились, сказали: мол, обожди чуток. Он был человек обстоятельный и неторопливый. Гуров, хотя в штате не числился, крутую историю с напарником раскручивал. Затем, как говорилось, депутата не вовремя убили, генерала придержали, а через несколько дней о его уходе на коллегии уже никто не говорил, а может, приказ потеряли – всякое случается.

Обо всем этом и многом другом думали друзья, попивая кофе в скромном кабинете начальника уголовного розыска России.

– Наштастались по крышам... – сказал Орлов лишь для того, чтобы прервать гнетущую паузу. – У меня приятель на Канарские острова летал, рассказывал: райская жизнь, однако вернулся.

Гуров промолчал. Крячко глянул на него, вздохнул:

– У него, видно, деньги кончились. Лев Иванович, я по твоей вине шубу супруге справиться не успел.

– Ты «Мерседес», хоть и подержанный, Борису не вернул и, судя по твоей физиономии, возвращать не собираешься. – Гуров отлепился от подоконника, подошел к столу, погасил в пепельнице сигарету. – Петр Николаевич, у тебя хороший компьютерщик имеется?

– Ну? – Орлов взглянул настороженно. – Я вас, мальчики, еще по месту не определил. А каждый солдат должен быть к своему котелку приписан.

Зазвонил один из телефонов, уже тренькал другой. Орлов взглянул недовольно, снял обе трубки, в одну сказал, чтобы подождали, по второй, представившись, начал переговоры, покосился на друзей, сказал:

– Они оба у меня, господин генерал-лейтенант... И плохо, что вам докладывают. Доносчики должны стучать только мне... Я тоже стучу... Хорошо, – Орлов кивнул, положил трубку, ответил по другой: – Слушаю вас.

– Как ни мучилась, а родила, – философски изрек Крячко. – Чуешь, нас еще в стойло не определили, а уже сбрую справили.

– Как твоя половина настроена? – спросил Гуров.

– Плохо. Она нормальная женщина, любит жить хорошо и не любит плохо.

Орлов брякнул трубкой по аппарату, поднялся, начал поправлять галстук.

– Идемте, я вас новому замминистра представлю. – Он ткнул Крячко пальцем в грудь. – Ты молчи, как рыба. А ты, Лева, – Орлов осмотрел Гурова. – А, какая разница, не сегодня, так завтра, от тебя не убережешься.

Глава 1

Кабинет заместителя министра был невелик, уютен и деловит одновременно. Серебристый палас и два окна с белоснежными шторами делали кабинет свежим, праздничным, а темная мебель – только необходимая, ничего лишнего – придавала вид деловой, не располагающей расслаживаться и болтать о постороннем.

Когда оперативники вошли, сидевший за громадным письменным столом молодой человек приветственно махнул рукой, что-то быстро дописал, поднялся, вышел из-за стола. Замминистра был в скромном сером костюме, белой рубашке, строгом галстуке, поднявшись, роста оказался среднего, фигурой строен, в движениях легок. Выглядел он лет на тридцать пять, позже Гуров узнал, что они с замминистра одногодки – обоим по сорок два.

– Давайте знакомиться. – Хозяин улыбнулся Орлову, руку протянул Гурову. – Бардин Николай Ильич.

– Полковник Гуров.

– Лев Иванович, слышал о вас много разного и противоречивого. – Рукопожатие Бардина оказалось коротким, жестким.

«Делает маникюр, занимается спортом, – отметил непроизвольно Гуров. – Наверняка играет в теннис, слегка таскает железо, не курит, почти не пьет».

Бардин познакомился с Крячко, сказал несколько слов, показывая, что знает полковника, и пригласил всех к столу для совещаний, который был расположен слева от входа, вдоль стены с окнами.

Гуров отметил поразительную чистоту, свежий воздух. Обычно в подобных кабинетах из-за бесконечных совещаний дышалось тяжело, даже если хозяин курить не разрешал.

На полированном столе для совещаний стояли бутылки с водой и соками, хрустальные пепельницы, которыми явно никто не пользовался. Бардин жестом пригласил гостей присаживаться, сам занял место во главе стола, открыл минеральную воду, наполнил стакан, кивнул: мол, угощайтесь.

– Значит, так выглядят лучшие сыщики России. – Он улыбнулся, пытаясь начать неприкрытый разговор. – Люди как люди. Лев Иванович франтоват, Станислав похож на участкового в штатском. Меня предупреждали, что внешность ваша – сплошной обман. Как видите, я навел о вас справки, подготовился к встрече.

Бардин говорил общие, необязательные слова, что было странно. Обычно чиновники такого ранга постоянно торопятся, опаздывают и времени на болтовню с подчиненными не тратят. Гуров разглядывал нового зама без особого любопытства. Много их приходило и уходило, они проводили политику министров и сами по себе ничего в верхах не решали. Внешне Бардин был не плох и не хорош, все в нем, можно сказать, усредненное: возраст, рост, фигура, одежда, волосы русые, глаза карие. Если о человеке с такой внешностью начнешь расспрашивать свидетеля, получишь нулевую информацию. Он курирует уголовный розыск. Что такое «курирует», никто никогда не знал и не знает. Деньги и штаты определяет министр, непосредственно работой руководит начальник главка, а курирующий зам активно суетится и подгоняет.

– Лев Иванович, вы размышляете, на кой новый заместитель вам, розыскникам-практикам, нужен? – спросил Бардин. – Кстати, вы ведь курите, так и курите, пожалуйста.

Орлов испугался, что Лева сейчас расскажет, о чем он размышляет, и взаимоотношения, не успев начаться, будут испорчены вконец.

– Извините, Николай Ильич, ваш вопрос некорректен, – ответил Гуров.

Орлов насутился, Крячко отвел взгляд, старался не ухмыляться, но Бардин продолжить Гурову не дал, заразительно рассмеялся.

– Ну, извини! Кажется, так говорят у вас в группе? – Он развел руками. – Меня утром ужасно вами пугали: мол, совершенно не управляем, дерзок, способен нахамить и прочая, и прочая, я не мог удержаться и не проверить. Считайте, Лев Иванович, что я ничего не спрашивал. Интересно, зачем я вас пригласил? Вы – асы своего дела, я – новичок на стадионе. Говорят, что со стороны виднее. Убежден, со стороны виднее лишь избитые истины, на которые вы уже перестали обращать внимание. Однако перечислим, чтобы иметь печку, от которой и танцевать. Бытовала пословица: МУР есть МУР. Не только управление на Петровке, а профессиональные сыщики, опытные и неподкупные, с которыми лучше не связываться: рано или поздно сядешь в тюрьму. Сегодня это пустые слова, «преданье старины глубокой». Так? Лучшие люди из розыска ушли? – Бардин загнул палец. – Верно, да не совсем. Ваше присутствие тому доказательство. Профессиональных, честных людей мало. Как результат – рост преступности в целом, особо опасных преступлений – в особенности, и рост коррупции, и еще большая потеря авторитета уголовного розыска. Порочный круг.

Орлов тяжело вздохнул. Взгляд Крячко стал еще наивнее, хотя и казалось, что дальше некуда. Гуров лишь привычно пожал плечами.

– Нам вопросов денег, квартир, технического оснащения не решить, тут и министр бессилен, а я способен лишь урвать для розыска кусок побольше от пирога, точнее – пирожка, выделенного на милицию в целом. Так что нам делать, господа сыщики?

Господа молчали, полагая, что чиновник поговорит, устанет и отпустит их с миром.

– Напрасно молчите, я вас не отпущу, пока вы мне не скажете, что вы можете предпринять в данных конкретных обстоятельствах. Не правительство, не Дума, а вы лично.

– Я подал перечень мероприятий...

– Извините, Петр Николаевич, – перебил Орлова чиновник. – Я ваш фолиант читал, вы дали указание перепечатать бумажки, сочиненные несколько лет назад, которые были перепечатаны с более ранних бумажек. Аналогичные папки лежат на столах и лестничных площадках, вплоть до чердаков, где обитает президент. Меня интересует, что можете сделать вы, а не что вы просите сделать государственный аппарат.

– Государственное устройство ломали общаком, авторитет милиции изничтожают десятки журналистов, радио и телевидение, а восстанавливать его предложено трем старым ментам. – Крячко хмыкнул, моргнул белесыми ресницами. – Нам легче взамен колеса что-нибудь придумать.

– Заткнись, Станислав, – буркнул Орлов, взглянул на Гурова, который сидел напротив. – Лева, у тебя есть чего?

– Есть, но не скажу, – ответил Гуров, давно мявший незажженную сигарету, сломал, бросил в пепельницу.

– А чего ты, словно красна девица? – не унимался Крячко. – Идея продуктивная, могу поделиться.

– Станислав! – Орлов чуть было не ударил кулаком по столу.

Бардин хотя и был готов к резкостям, даже провокациям, но на простодушный взгляд Крячко попался, согласно кивнул.

– Изложите, Станислав, не стесняйтесь.

– Я в партии длиннющий срок отмотал, у меня ее заветы в крови шастают...

Гуров отвернулся, достал новую сигарету. Орлов помял лицо короткопалой ладонью, взглянул на замминистра упреждающе, укоризненно покачал головой.

– Да что вы меня оберегаете, Петр Николаевич? Я что, матерных слов не слышал? – улыбнулся Бардин.

– Обижаете, Николай Ильич. Я и другие слова знаю, может в меньшем количестве, но знаю. – Станислава Крячко понесло, что случалось редко, но проходило всегда бурно. – Главное в моей жизни есть долг перед Родиной и народом, долг огромный, который до гробовой

доски отдать невозможно. Это, так сказать, вообще, – он раскинул руки. – А конкретно, мент Крячко обязан людей защищать. Но у меня нет специалистов, техники... Все перечислять? Не стоит, долго слишком. Нету денег, и никто мне их не даст. Однако имеется простенький способ денежки получить. Вернуть профессионалов, которые разбежались, вооружить их, как подобает, не хуже, чем у буржуинов...

Гуров знал, что сейчас Крячко выдаст, прикрыл глаза и вздохнул. Бардин не знал, смотрел на опера-важняка с интересом и не потому, что ожидал услышать ценный совет, а просто был заинтересован в непротокольном разговоре. Чиновнику нужны были эти сыщики, и он понимал, что человек он для них чужой, как подступиться к ним – неизвестно. Один разговорился, и слава богу, надо проявлять интерес, какую бы ахинею тот ни нес. Возможно, парень сейчас над начальником подшутит, даже высмеет, не беда, посмеемся вместе.

– Ну-ну, Станислав, чую, быть тебе министром, – Бардин умышленно употребил лексику Крячко. – Выкладывай свое секретное оружие.

– Оружие можно обычное. Перестрелять пяток парламентариев, парочку министров, троечку из окружения президента, и враз все получим. Не Гиммлер я, даже не вождь всех народов – они «ради блага народа» миллионы человек уложили, а я дюжиной обойдусь. Можно подборочку сделать, чтобы без детишек были, значит, без сирот обойдемся.

Бардин побледнел, достал носовой платок, промокнул лоб.

– Господин заместитель министра, чего это вы? Так ведь известно: лес рубят – щепки летят! – Круглое добродушное лицо Крячко стало злым, вытянулось. – Более ста сорока ментов положили – не пикнул никто, а одного депутата Думы стрельнули, так чуть не всенародный траур.

– Понял, понял, – быстро сказал Бардин и выставил ладонь, словно опасался, что оперы начнут отстрел начальства прямо сейчас. – Даже отбросив нравственность и известный миру опыт, что на крови храм истины построить невозможно, ваш план, господин полковник, не годится.

Запал у Крячко кончился, да и испугался он задним числом, и не чинов каких, а друзей своих – Орлова и Гурова, уже корил себя за словоблудие. Махнул рукой и как можно беспечнее сказал:

– Ну, не годится, так не годится, я чего-нибудь другое сочиню.

Бардин уже взял себя в руки, но опасный разговор не прервал.

– Твоя ошибка, Станислав, в том, что ты совершенно неверно представляешь себе результаты акции, направление взрывной волны. Последствия будут таковы. – Он начал загибать пальцы. – К власти придет фюрер, который проведет чистку и начнет с тебя и меня. Затем он установит диктатуру, закроет все, что закрывается, и только потом уже из новых людей создаст полицейский аппарат, раздавит преступность и людей остальных.

– Николай Ильич, – вмешался Орлов. Голос у генерала звучал ровно, негромко, но Гуров и Крячко поняли, в каком их старшой бешенстве. – У вас есть к нашей службе предложения, мы вас слушаем внимательно.

– Хорошо, генерал. Давайте спустимся на грешную землю, будем говорить по существу. – Бардин не знал Орлова так хорошо, как его друзья и подчиненные, но понял, что ветеран недоволен, и тоже заговорил размеренно и сухо: – Опустим вопрос о том, что я в вашем деле профан, но за вашу работу министр и Администрация президента спрашивали именно с меня. Что, эти убийцы, как их... – Он замаялся, и Гуров почувствовал, что чиновник замаялся умышленно. – Киллеры? Да, именно киллеры, они действительно неуловимы?

Крячко уже наговорился сверх меры, поклялся молчать. Гуров взглянул на Орлова: мол, ты старший, так и ныряй, тут неглубоко.

– Николай Ильич, киллеры бывают разные. Вас интересует какое-то конкретное дело? – Орлов покосился на Гурова, хотел переадресовать вопрос к нему, но промолчал.

– Меня интересует высшая категория киллеров, если можно убийце присваивать категорию. И не частный случай, а теоретически. Возможен ли розыск убийцы, прошедшего специальную подготовку, человека хладнокровного, опытного, естественно, крайне осторожного?

– Теоретически все возможно, а на практике... Статистика вам известна, – ответил Орлов. – Каждое заказное убийство – не теория, а конкретное дело, за которым жизнь конкретного человека. В раскрытии подобных дел нам похвастать нечем. Нас это не оправдывает, но немногим лучше результаты и у ФБР, и у спецслужб других стран.

– Но полковник Гуров недавно в Москве задержал наемного убийцу. Три месяца назад совместно с коллегой из Германии он также выловил убийцу, совершившего преступление в Гамбурге.

– Гуров удачлив, слов нет, но один раз ему помогли исходные данные, которых обычно не бывает, а последний случай вообще особый, так как убийца охотился непосредственно за Гуровым, а он был предупрежден. И операцию по выявлению и задержанию проводил не Гуров самодично, а оперативная группа.

Крячко чуть было не фыркнул, приложил к губам платок, насупил, но не произнес ни слова.

– Мне известно, что Лев Иванович скромностью не страдает, однако перевоспитывать его, видимо, поздно, – Бардин улыбнулся, развел руками. – С этими наемниками надо бороться. Что ни фраза, так получается пошлость, – он вышел из-за стола, – но ничего нового я вам сообщить не могу и научить вас, мастеров своего дела, тоже не в силах. Наемники – страшная беда, но не меньшая беда – уверенность людей в нашем бессилии и, как следствие, уверенность в безнаказанности убийц. Я не знаю, как, но необходимо эти мнения, суждения, называйте как угодно, поломать. Необходимо создать прецедент – разыскать и задержать киллера, дать делу широкую огласку. Не хвастаться, не делать из одного задержания триумф, но внятно, на всю Россию объявить, что угрозыск тоже не лыком шит и работает!

Бардин расхаживал по кабинету, жестикулировал, вообще не походил на замминистра, был человеком не очень уверенным, главное – не поучал, не требовал, скорее просил помощи.

– Знаю, знаю, о чем вы, сыщики, думаете. Пришел парень со стороны, в сыском деле не сечет, а отличиться хочет. Да, хочу ситуацию переломить! И отличиться хочу! Что плохого? У меня есть некоторая власть, небольшая, но все-таки власть. Петр Николаевич, я могу вам помочь?

– Существует управление по борьбе с организованной преступностью...

– Извините! – перебил Бардин. – Известно, наемными убийцами занимается и контрразведка. – Он перестал бегать по кабинету, сел за стол. – Но существует еще такое понятие, как талант. Я не хочу хвастаться, но вы думаете, что управление кадров вот так, с превеликой радостью приняло заблудших сынов? Я вас не попрекаю, как раз отлично понимаю и понимал больше, когда вы уходили, чем когда вернулись. Вернулись, и слава богу! Но я к этому тоже руку приложил. Благодарности от вас не жду, делал для людей и для себя, а для вас самих в последнюю очередь. Я выяснил: вас считают лучшими. Даже люди, которые лично Гурова Льва Ивановича терпеть не могут, признают, что он дело знает.

Гуров за все время не проронил ни слова. Новый зам сыщику нравился, рассуждал Бардин здраво, держался без выпендривания, но и не опускался до панибратства, только все это к делу отношения не имело. Гуров устало ждал, когда начальство кончит переливать из пустого в порожнее, поставит конкретную задачу и отпустит.

– Моя мысль понятна? Я прошу вас сделать все возможное и задержать наемного убийцу. Лучше, если он в прошлом был сотрудником правоохранительных органов, и просто великолепно, коли он окажется не наш, милицейский, а из контрразведки или разведки. – Бардин поднялся, давая понять, что разговор окончен.

«Простенько и со вкусом», – чуть было не сказал Крячко, но лишь тяжело вздохнул, встал, взглянул на Орлова и Гурова.

– Извините, Николай Ильич, но весь оперсостав главка и без специальных указаний пытается...

– А я хочу, Петр Николаевич, чтобы не весь оперсостав пытался, – перебил Орлова заместитель министра, – а присутствующие здесь оперы-важняки занимались только данным вопросом. Когда все отвечают – значит, никто не отвечает. Подумайте, скажите, какая вам нужна помощь, и приступайте. С легендой о неуловимости киллеров-профессионалов необходимо покончить.

Бардин смотрел на Гурова, словно обращался только к нему. Гуров пожал плечами и ответил:

– Нам с полковником Крячко нужен персональный компьютер, человек, умеющий на нем работать, и чтобы никто, кроме генерала Орлова, не приставал к нам с вопросами. – Он кивнул и после паузы добавил: – Включая и вас, господин генерал-лейтенант.

– Хорошо. Сколько вам требуется времени?

– Возможно, месяц. Возможно, всю оставшуюся жизнь, пока не убьют...

– Разрешите? – Орлов взялся за ручку двери.

– Да-да, конечно, – Бардин подошел к дверям. – Лев Иванович, задержитесь на минутку.

Когда Орлов и Крячко вышли, Бардин спросил:

– А вы не хотели бы отдохнуть недельки две в санатории?

– Спасибо, нет. – Гуров погладил ладонью лицо, словно проверяя, что в нем такого, что навело чиновника на подобные мысли.

– Ну-ну. – Бардин подошел к столу, взял визитную карточку, написал на ней домашний номер, протянул Гурову. – Мою жену зовут Алла, можно без отчества. Если вы, Лев Иванович, сумеете заглянуть к нам на чашку чая, мы будем искренне рады. Мы вас приглашаем и ждем в любой день...

– Благодарю. – Гуров взял визитку, кивнул, хотел добавить, что это вряд ли, но искренность и теплота, звучавшие в голосе хозяина кабинета, удержали сыщика от резкости, и он молча вышел.

Не придет, даже звонить не станет, подумал Бардин, усаживаясь за стол. Я для него лишь выскочка, чиновник, который по чужим костям хочет вскарабкаться повыше. И он недалек от истины, только непонятно, почему лезть наверх считается у таких, как Гуров, зазорным, даже неприличным?

– Когда хамит Лева, – Орлов указал на вошедшего в кабинет Гурова, – я особо и внимания не обращаю. Он порой не со зла, а по недомыслию. Он всех по себе меряет и силу рассчитать не может. Но ты, Станислав, который чуткий и хитрый, почто над человеком издевался? Не ментовский, не наш, глупый вопрос задал, и ты в ответ?.. Стыдно, парень, и меня, старого, дураком выставил. Получилось, что мой человек дерзок, нахален, меры не знает, следовательно, глуп. А когда подчиненный неумышленно – значит, и начальник с того же огорода. Стыдоба!

– Ну, Петр Николаевич, ну, грешен, покаяться уже, больше не буду. Вот Лев Иванович за меня ручается, – Крячко протянул руки к Гурову.

– Не паясничай, Станислав, – миролюбиво сказал Орлов и глянул на Гурова вопросительно.

– Они приглашали меня домой на чашку чая. Сказали, что будут рады, – ответил Гуров.

– Если интересуется мое мнение, надо приглашение принять, – сказал Орлов. – Судя по всему, он парень приличный, ему неуютно в нашей конторе. Ты, конечно, не пойдешь, а зря. Хороших людей, даже если они начальники и стремятся сделать карьеру, надо поддерживать.

Он доктор наук, юрист, читал лекции по уголовному праву, работал в Мосгорсуде, потом в Администрации президента, видно, головастый парень...

– Головастый на сковородку не попадет, – вставил Крячко. – Первое громкое убийство, и его вышвырнут. Министра не посмеют, начальника главка, – он поклонился Орлову, – трогать нельзя, работать кто-то должен...

– Не дури, – прервал Орлов. – Думаешь, он не понимал, когда согласился? Он все прекрасно просчитал, потому позвал нас, открыл карты. – Генерал взглянул на часы. – Все, господа хорошие, давайте работать. Признаться, чертовски рад, что мы опять вместе. Компьютер и спеца по нему получите завтра.

Кабинет Гурова, Крячко и компьютерщика был стандартным чиновничьим кабинетом со всем необходимым и без каких-либо излишеств. Три письменных стола, мягкие кресла, сейф неустановленного года рождения, шкаф для верхней одежды, три телефонных аппарата, стулья для гостей, одно окно, на подоконнике чахлый цветок.

Лопоухого и веснушчатого парня, который на следующий день принес компьютер, звали Артем Ермаков. Лет двадцати с крохотным хвостиком, он был тих, неразговорчив, фантастически упрям и настойчив в достижении цели, в чем очень быстро убедились старые сыщики.

Гуров уже больше года размышлял над тем, как можно современную технику использовать в розыске, но дальше картотеки, которая уже давно имелась, фантазия не шла. Гуров понимал, что возможности компьютера огромны, но как их использовать в деле? Впервые мысль о возможности при помощи компьютера напасть на след наемного убийцы появилась у сыщика, когда он прочитал статью в газете, в которой журналист достаточно аргументированно доказывал, что киллер высшего класса не имеет непосредственных контактов ни с заказчиком, ни с жертвой, поэтому и неуловим. Журналист излагал избитые истины, и Гурова это раздражало. Он решал задачу, связанную с использованием компьютера в розыске, не один день. Однажды призвал на помощь Крячко, поделился сомнениями и сказал:

– Станислав, давай помозгуем вместе, поговорим вслух, станем ловить друг друга на противоречиях, чтобы не получилось невольной подтасовки, шельмовства.

Оперативники долго обсуждали различные варианты и в конце концов пришли к выводу, что в принципе вопрос решить возможно, но для этого необходима помощь государственного аппарата, санкция министра и чтобы о путях розыска знали лишь Орлов да компьютерщик, без которого не обойтись.

С того разговора минуло около полугода, теперь сыщики получили все необходимые ингредиенты, остался пустяк – воплотить теорию в жизнь.

Артем Ермаков играл со своим компьютером и был в полном восторге, так как еще вчера не мечтал получить столь современную машину, и не обращал внимания на Крячко, который смотрел на мальчишку без симпатии, и на Гурова, усевшегося за свой стол и рисующего на листочке треугольнички, означавшие, что полковник растерян, сердит и вообще не в своей тарелке.

– Что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить, – изрек Крячко и постучал пальцем по лбу. – Мне, извини, простительно. Я только сыщик-скорохват, но вы-то, Лев Иванович, интеллектуал.

– Не говори незнакомых слов, – перебил Гуров. – Будь естественнее, ругайся матом.

Скверное настроение опытных сыщиков объяснялось просто. Они выяснили, что в своих расчетах учли многое, практически все возможное, кроме наличия в команде Артема Ермакова и его дальнейшей судьбы. Два опытейших профессионала, просчитывая предстоящую операцию, начисто забыли, что начинают драку с противником, о котором лишь известно – он многолик, всемогущ и не соблюдает никаких правил. И неожиданно поняли, что, имея на руках беззащитного ребенка, начинают драку, которая в случае их сыщицкого умения плюс

везения перейдет в кровавую войну на уничтожение. А без Артема сыщики лишаются главных козырей и весь замысел гроша ломаного не стоит.

– И как мы про тебя забыли? – Крячко смотрел на Артема удивленно. – Затмение на нас нашло?

– В каком смысле – забыли? – Артем отключил компьютер.

– В прямом, черт тебя подери! – Крячко взглянул на Гурова: мол, продолжать разговор или прекратить за ненадобностью, но никакого сигнала не получил. Гуров сидел с безучастным видом, словно происходящее его не касалось.

Крячко понял, что брошен, любое его решение в дальнейшем будет подвергнуто критике, и решил ударить друга побольнее.

– Понимаешь, парень, у нас с Львом Ивановичем был ученик – в отличие от тебя очень приличный оперативник, так восемь месяцев назад его убили. Он по нашему заданию убийцу устанавливал и установил, так его стрельбой на улице отвлекли, подошли сзади и выстрелили под лопатку. Ты не смотри, что у Льва Ивановича лицо портретное, он человек нормальный: смерть ближнего переживает. Я это к тому, что, ежели тебя убьют, мы вроде бы в похоронную команду превратимся.

Гуров смял лист, на котором чертил треугольнички, бросил в корзину и закурил, но не повернулся, на товарищей не взглянул. Артем знал, что Гуров – старший, только он решает, будут использовать в работе лейтенанта Артема Ермакова или отправят назад в аналитический отдел, молча смотрел на знаменитого сыщика, понимал – следует заверить полковника в своей преданности и бесстрашии, но слов не находил.

– Станислав, не грузи на парня лишнего, у него скоро своего с избытком накопится, – сказал Гуров. – А выпад в мой адрес я оценил, спасибо. Артем, сам знаешь, вид у тебя не геройский, но ты себя считаешь человеком смелым?

– Смелым? – Артем растерялся, достал носовой платок и протер экран компьютера. – Не знаю. В школе меня несколько раз били, но я не отступал. Лев Иванович, я же не оперативник, а математик и программист, в острых ситуациях не бывал.

– Ответ подходящий. – Крячко довольно кивнул.

– Если ты начнешь с нами работать, то окажешься в крайне острой ситуации. – Гуров погасил сигарету, ослабил узел галстука, посмотрел Артему в глаза. – Не люблю громких слов, но вынужден сказать: возможно, ты будешь рисковать жизнью. Подумай до завтра, реши. Твой отказ мы расценим как шаг мужественный. Договорились?

– Так точно, господин полковник, однако...

– Стоп! – прервал лейтенанта Крячко. – Тебе сказали: завтра. Пойди на край, погляди, куда прыгаешь. Мы ждем тебя здесь в девять утра.

Глава 2

На следующее утро ровно в девять Гуров сел за свой стол, жестом пригласил Артема сесть напротив, за стол Крячко, который занял место лейтенанта. Оглядел компьютер, осторожно тронул клавиатуру, провел пальцем по темному экрану, решил, что лучше ничего не трогать, и убрал руки в карманы.

– Лев Иванович, я долго думал и решил, что для меня большая честь работать с такими асами розыска, и если я смогу в силу моих скромных возможностей... – Артем запнулся, увидел насмешливый взгляд полковника, махнул рукой и упавшим голосом закончил: – Я согласен.

– Врать грешно, Артем, а врать начальству еще и опасно. Недолго ты думал, ты вчера решил. Ситуацию ты оцениваешь неверно, предстоящей опасности не понимаешь, в принципе ты нормальный пацан, по своему умственному развитию соответствуешь возрасту. Я навел о тебе справки, убедился, что генерал Орлов – умница, ко мне относится хорошо и специалист ты, Артем Ермаков, отличный.

– Спасибо. – Артем сглотнул слюну, попытался передвинуться, выскользнуть из-под тяжелого и одновременно насмешливого взгляда Гурова. Естественно, ничего не получилось – сидели они друг против друга, разделяли их два сдвинутых лоб в лоб письменных стола.

– Что означает слово «хакер»? – спросил Гуров. – Мне сказали, что ты отличный хакер. Артем бросил взгляд на свой компьютер.

– Если упрощенно – то человек, влюбленный в компьютер, пытающийся извлечь из него максимальную пользу.

– Пусть будет «хакер», – согласился Гуров. – Ты там в своем окружении высунулся, гением прослыл, в результате сюда и попал, в общем сам виноват, высовываться опасно.

Крячко не сдержался, хмыкнул и сказал:

– А как мне жить? Между двух гениев жестковато будет.

Гуров махнул на друга рукой.

– Ты не пропадешь, Станислав, за тебя я спокоен, – и без всякого перехода продолжал: – Значит, ты думал, размышлял и решил? Теперь послушай меня, может, перерешишь. Министерство наше хотя и секретное, но по сути обыкновенная контора со своими сплетниками, бездельниками и прочими атрибутами бюрократического организма. Через несколько дней весь наш главк будет знать, что два полковника-розысчника закрылись с компьютерщиком и занимаются неизвестно чем. Гурова здесь знают, о старом муровском сыщике Крячко навести справки нетрудно. Давай отбросим мысли о том, что в таком огромном доме обязательно должны жить люди коррумпированные, не будем думать о преступниках. Представим себе, как поведут себя обыкновенные люди, когда узнают, что два розысника, которые терпеть не могут заниматься бумажной работой, неожиданно засели в кабинете и вооружились компьютером? А мы устроимся здесь надолго и будем сидеть с утра до позднего вечера.

– Пока нас не разгонят, – вставил Крячко. – Высокое начальство нахально врет, когда уверяет в своем терпении. Через несколько дней тебя, господин полковник, вызовут на ковер и спросят: где мышшь? Министры полагают, что раз они выпустили кота и приказали изловить мышшь, то последняя должна быть изловлена немедленно.

– Не слушай, Артем, господин полковник сам не верит в то, что говорит. – Гуров улыбнулся миролюбиво. – Уж месяц нас никто не побеспокоит, затем еще месяц удержит оборону генерал Орлов, а за это время мы что-нибудь раскопаем.

– А что мы копать будем? – не выдержал Артем.

– Доберемся и до этого. – Гуров смотрел на парня внимательно, оценивая, хотя прекрасно понимал, что выбора нет, придется работать с лейтенантом Ермаковым, так как выби-

рать можно в профессии, которой владеешь. – Я из категории людей, которые очень долго запрягают. О самой работе чуть позже. Мне надо, чтобы ты понял, как себя вести с окружающими, пока мы не получим первых результатов.

Если бы полковник Крячко не знал абсолютно точно, что Гуров в конечном результате не уверен, то, глядя на его спокойное лицо, слушая этот размеренный, слегка насмешливый голос, подумал бы: с таким начальником непременно добьешься результатов.

Гуров инструктировал компьютерщика, а Крячко думал о том, какие дороги выбирает человек. Вот почему Лев Иванович Гуров – не генерал и не начальник главка, а лишь полковник и опер? На данный вопрос Крячко мог ответить с уверенностью: Гуров самолюбив, порой самовлюблен, но совершенно лишен тщеславия. Дорожит мнением лишь очень ограниченного круга людей, которые ценят человека не за звание и должность, а за профессионализм. За рюмкой Гуров порой болтает: мол, не способен подняться, так как не сможет наверху угождать и приспосабливаться, но это байки для недоразвитых. Ему и не пришлось бы на верхнем этаже льстить и врать, такие, как Гуров, везде нужны, терпели бы грешника с его прямоотой и другими прибабахами. Он не желает подниматься, так как потеряет свободу, перестанет быть незамеченным. Любого генерала, любого министра можно заменить, никто и не заметит. А старшего опера-важняка Гурова заменить нельзя, как невозможно заменить певца экстра-класса или первую скрипку в оркестре. Можно одного выгнать и взять другого, только все будут знать, что это не замена, а подмена, фальсификация. Таким образом, Крячко прекрасно понимал, что Гуров не хочет идти на повышение не из-за боязни с работой не справиться и уж совсем не от скромности, которой не страдал совершенно, а потому что уникальный специалист, будь то водопроводчик или зубной врач, не подчиняется никому. Он свободен. Такого положения в конторе, когда никто – ни министр, ни президент не могли ему приказывать и, коли желали пользоваться его услугами, так могли лишь сделать предложение, а то и попросить, – может достичь лишь специалист экстра-класса.

Разговор между Гуровым и Ермаковым продолжался второй час. Парнишка загрустил, по его лицу было видно, что он начал сомневаться в гениальности своего начальника, даже в наличии у него здравого смысла. Крячко парнишке сочувствовал, но помочь не мог. Однажды полковник, тогда еще капитан, присутствовал при допросе Гуровым свидетеля, который имел несчастье оказаться на месте преступления и одновременно с выстрелом сесть в троллейбус. Парень был честен, не видел ничего, стреляли на другой стороне, обзор был закрыт троллейбусом, а парень жил в подъезде дома, расположенного в пяти метрах от остановки. Он рассказывал об этом Гурову три часа, два раза просил пить, один раз ходил в туалет. Крячко слушал, слушал, несколько раз сторал от стыда за честь мундира, написал Гурову три нехорошие записки, плюнул и из кабинета ушел. А поздно вечером узнал, что Гуров «вытащил» из свидетеля словесный портрет сообщника убийцы, который стоял на остановке и сел в троллейбус раньше парня.

В тот день Крячко дал себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах не встречать в разговор Левы, какую бы ахинею тот ни нес. Один бог знает, сколько раз Крячко благодарил себя за этот зарок.

Артем Ермаков выпил воды, извинился и пошел в туалет.

Гуров поправил безукоризненной чистоты манжеты, провел пальцем по верхней губе и сказал:

- Думаю усы отрастить, как считаешь?
- Девки от тебя и без усов сохнут. Полагаю – лишнее.
- Будет за чем ухаживать. Кот профессора от меня сбежал. Иногда приходит, но привыкнуть не может, может, чувствует, что это я его хозяина в узилище упек. Кота нет, так хоть усы будут.
- Ты хоть и гениальный сыщик, а дурак.
- Так я и не скрываю этого.

– Простите, господа, – сказал вернувшийся Ермаков. – Я, честно сказать, Лев Иванович, не вижу смысла в нашей беседе. Но вы – старший, ваша воля.

– То, что ты не видишь смысла, это полбеда, я не вижу смысла – уже беда. – Гуров подмигнул Ермакову и неожиданно спросил: – Лопухости своей стесняешься?

Даже Крячко обомлел.

– А чего такого? Нормальный вопрос, – Гуров пожал плечами. – Человек с комплексами уязвим, мы должны знать.

– У меня с девушками все в порядке, господин полковник.

– Прекрасно! – Гуров потер ладони, повел мощными плечами. – Влюбчив?

– Есть немного, в определенный тип.

– Хорошо, позже уточним. Давай переходить к главному. Как ты, конечно, заметил, я человек самоуверенный. – Гуров вышел из-за стола.

– Это самое мягкое определение, – вставил Крячко и быстро добавил: – Но и на солнце есть пятна.

– Основной мой недостаток – когда я берусь за дело, то почти всегда дохожу до цели. Сегодня наша цель найти киллера, не наемного убийцу, настоящего, профессионального, на сто процентов законспирированного киллера. Почти наверняка это будет бывший сотрудник, знающий все и вся. Господа министры полагают, что, когда мы его выявим, то сможем арестовать. Это есть глупость номер один. Мы не найдем против него улики. Я ставлю себя на его место и понимаю, что никаких улик не оставлял бы, и Крячко не оставлял бы, а киллер не дурее нас. Вывод второй – установив лицо, его можно заставить взять в руки «горячее» оружие, спровоцировать перестрелку и убить. После чего собрать журналистов, показать «горячее» оружие, доказать самооборону и получить значок «Ворошиловский стрелок». Я этого делать не буду, мне это неинтересно. Я хочу выйти через киллера на «пахана», кем бы этот пахан ни оказался. А теперь прикинь, парень, чем такое дело для тебя может обернуться? У тебя есть последний шанс отказаться. – Гуров присел на край стола.

Ермаков молчал. Гуров хлопнул его по плечу.

– Хорошо молчишь, парень, – и поправил ему галстук. – Нам нужен киллер и необходим один жирненький, добренький слуга народа, который дал команду нанять этого киллера. И если мы, друзья, покажем его всему свету, он заговорит, а заговорит он обязательно, потому как силенок не хватит подняться на эшафот одному.

Гуров метался по тесному кабинету и расплескивал ненависть.

– А что я? Почему я? – повторял Ермаков.

– Заткнись! Ты знаешь, почему я вернулся в эту контору? Потому как всю жизнь говорил: пусть лучшие ушли, худшие продались, но на моем участке фронта они не пройдут! Я ушел, получил все, но я бросил свой окоп. Мне стало стыдно бриться, я смотрел в глаза дезертира! Нет, они еще не убили меня! Этому сытому генеральчику нужен киллер? Он его получит, но с таким довеском, что... – Гуров взял в руки стул.

– Лева, неловко классиков муржигить, но зачем же мебель ломать? – Крячко вынул из стола бутылку коньяка, стакан, ловко выдернул пробку зубами, налил до краев.

– Завязал, – сказал Гуров и выпил одним махом. – Никогда, Артем, не пей на работе, – назидательно произнес сыщик, закурил и продолжал: – Только фраера срываются из-за пустяков. Моя бабская истерика началась после твоих слов: «А что я? Почему я?» Поясняю. Нами заинтересуются сразу, считай, уже заинтересовались. Но это будет этакое вялое любопытство, не более. Однако когда мы наступим на хвост, а мы наступим на него обязательно, в гадюшнике переполошатся. От кого они попытаются получить информацию?

Гуров погасил сигарету, взглянул на Ермакова.

– Видимо, от меня, – ответил лейтенант.

– Видимо, – усмехнулся Гуров. – И чем жестче мы наступим, тем бесчеловечнее они будут действовать. Когда похлебка закипит, я постараюсь тебя от котла отсечь, чтобы они к тебе интерес потеряли, но человек лишь предполагает. Позже мы с тобой прокачаем ситуацию на случай твоего захвата. А сегодня давай думать, как жить сегодня. Разговоры в коридорах, буфете, обычная прочая министерская болтовня. Чем мы занимаемся? Ты не знаешь. Коли очень допекут, ты полагаешь, что мы, – Гуров указал на Крячко, – пытаемся найти нечто общее в убийствах за последний год. Как ты к нам относишься?

– Как любил повторять мой учитель и друг: следует говорить правду, правду, одну лишь правду, – сказал Крячко.

– Твой учитель и друг – просто гений. Значит, ты, Артем, характеризуя нас, говоришь только правду. Но учти, что, если ты на каждом углу начнешь рассказывать: мол, два грубых самонадеянных полковника тебя за человека не считают, а Гуров ко всему прочему считает себя гением и хлещет во время работы коньяк стаканами, тебе не поверят. Ты должен дать понять, что тебе начальники не нравятся, но говорить об этом ты не желаешь, и лишь однажды вывалишь ведро с мусором на наши головы. Сорвешься, так сказать. Лучше, если ты откроешься женщине, скажешь о нас кратко, но смачно. Максимум через час все любопытные будут о твоём срыве знать... На сегодня все, начинаем работать.

– Лев Иванович, но я искренне отношусь к вам обоим с большим уважением, – пробормотал Ермаков.

– Уважаешь, и прекрасно, но ведь есть и кое-что еще? – Гуров усмехнулся. – Рассказать? Артем Ермаков смутился и покраснел. Гуров расхохотался.

– Ну совсем как я двадцать лет назад! Красней, парень, смущайся и красней, только не ври!

Он снял телефонную трубку, набрал короткий номер.

– Здравствуйте, беспокоит Гуров. Мне что-нибудь есть? Хорошо, тащите.

Вскоре в кабинет вошли двое в штатском, пиджаки на них обтягивали мускулистые торсы, под левым плечом бугрились пистолеты. Пришедшим было лет под тридцать или чуть больше. Они выложили на стол два металлических чемодана, отстегнули наручники, которыми были прикованы к драгоценной ноше, открыли цифровые замки и перевели дух.

– Теперь это хозяйство за вами, Лев Иванович, – облегченно сказал один.

– Обязательно, – Гуров хлопнул ладонью по лежавшим в чемоданах папкам, поднял облачко пыли. – Роман, мы вроде раньше здоровались.

– Здравия желаю, господин полковник. Так ведь раньше-то мы операми по подвалам и крышам за жульем гоняли. Вы хоть и были меня поглавнее, однако риск всех уравнивает. А теперь, Лев Иванович, вы – господин полковник, главный проверяющий нашего ментовского труда. А от бывшего опера ничего не спрячешь, вы тут быстро накопаете дерьма, с лихвой на генерала хватит.

– Рома, как помню, ты злым не был. Случилось чего?

– Так ведь по мокрым заказным, – Роман кивнул на чемоданы, – раскрываемость, считай, нулевая. Я бы сам тут накопал, на Клондайк хватило бы, а не на два золотых погона. А у вас глаз зорче...

– Бог тебе судья, полковник. – Гуров стал сух и официален.

– Распишитесь.

Гуров, не глядя, расписался в журнале.

– Вы свободны. Возвращайтесь в девятнадцать, мы решим, что вам вернуть, что оставить.

– Приказано одному оставаться с вами, – вмешался второй опер.

– Я сказал: свободны.

– Мой генерал приказал, а я офицер.

– Передай своему генералу, что его просил позвонить генерал Орлов либо заместитель министра Бардин. Артем, закрой за господами офицерами.

Гости ушли, мощные засовы задвинулись, из чемоданов на столы начали извлекать святая святых уголовного розыска – уголовно-розыскные дела. Они отличаются от следственных дел, как земля с ее недрами и низинами, грязью и скалами от неба, порой облачного, но в принципе чистого.

Большая часть документов была под грифом «Совершенно секретно». Тут и агентурные сообщения, написанные практически на неизвестном человечеству языке, и просто пьяная болтовня, подслушанная опером, и запись телефонных разговоров, и сводки наружного наблюдения – в общем, вся информация, которую удалось собрать ментам на всех чистых и нечистых, попавших в круг знакомых убитого, порой и совсем незнакомых людей, но, с точки зрения инициатора розыска, представляющих оперативный интерес. Никто, кроме инициатора розыска и его начальника, данное дело никогда не видит. В первую очередь прокуратура, которая от подобного беззакония попадала бы в обморок. Прокуратура уважает закон, постоянно его нарушает, но официально, подводя под каждое безобразие хитроумное объяснение. Когда вы читаете в газете: «...дело ведет старший следователь по особо важным делам прокуратуры», то знайте, что дело у этого чиновника действительно имеется и он его ведет в зависимости от того, что менты накопают и принесут. А коли нет задержанного либо подозреваемого, так ничего этот «важняк» не ведет, папка со следственным делом лежит в сейфе. Хотя работа следователя прокуратуры тоже не сахар. Только кто его не пробовал, пусть судить не берется. Вообще-то общеизвестно: хорошо там, где нас нет.

Разложили папки, выяснили, что принесли им четыре дела по заказным убийствам.

– Четыре. А нам надо сколько просмотреть? – спросил Гуров.

– Сорок три, мой господин! – Крячко щелкнул каблуками.

– Все просмотрим. Полагаю, за это время еще прибавится.

– Сегодня пятое июля, понедельник, еще несколько дней, и на Москву опустится жара.

Дума уходит в отпуск, богатые люди улетают, убийцы уходят в оплаченный отпуск.

– Твоими устами да мед бы пить. Ладно, два дела тебе, два мне, будут сомнения, поменяемся. Сейчас важно выяснить, был ли мальчик, то есть киллер. А то у нас как... Сказал Васька Петьке: «Грохни ты этого выпендрилу». Петька бутылку принял, киллер взял и грохнул. Русский человек для друга завсегда готов пустячную услугу оказать. Артем, ты свободен до завтра, сегодня у тебя работы не будет.

– А если меня спросят, почему я ушел в начале рабочего дня?

– Отвечай, что тебе это тоже интересно, и пусть спросят у полковника Гурова. – Он выставил парня за дверь, задвинул засовы.

Сыщики не читали все многочисленные бумаги, подшитые суровой ниткой в пухлых папках. Менты подолгу изучали лишь описание места происшествия, заключения баллистической экспертизы об использовании оружия, читали и перечитывали допросы людей, хорошо знающих распорядок дня убитых, и характеристики последних.

Около семнадцати часов работа была закончена. Крячко положил перед Гуровым увесистый том.

– Взгляни на осмотр места преступления.

Во всех четырех убийствах сыщики не почувствовали почерка профессионала. В двух случаях жертвы были расстреляны из автоматов, в одном человека убили в момент, когда он выходил из квартиры, убийца выстрелил и спокойно вышел из подъезда. В момент стрельбы и ухода могло произойти множество случайностей, нелепых совпадений, которые профессионал никак допустить не мог. Убийство, заинтересовавшее Крячко, тоже ставил не профессионал. Банкира застрелили, когда он, выйдя из машины, направлялся к подъезду. Перед банкиром в

подъезд вошел охранник, водитель остался за рулем, выстрела не слышал, лишь увидел, как хозяин упал. Стреляли из окна полуподвала, винтовку оставили. С точки зрения оперативников работа была грязная, дилетантская. Из окна был крайне узкий обзор: что происходит в пяти метрах справа и слева – не видно. А там может находиться, случайно или не случайно, милицмейская машина, выход из подвала в соседний двор также не контролируется, следуя дворами, можно встретить кого угодно. Убийство заказное, но исполнитель дерьмовый. Такой человек Гурова не интересовал. Он прочитал описанное место преступления дважды, перечитал и приметыв преступника, которого, конечно, во дворах видели, взглянул на Крячко и пожал плечами.

– Стареешь, маэстро, – самодовольно сказал Крячко. – Последний лист в протоколе того... Бумага не та, ручка другая, да и писал хотя и тот же человек, только ему за столом было удобнее, и почерк изменился.

– Молодец, Станислав. – Произнося имя друга, Гуров делал ударение на втором слоге, и Крячко как бы превращался в иностранца.

– Может, за этим ничего и нет, однако. – Станислав, пародируя Гурова, пожал плечами. – Страницы могли испачкать, бутерброды положить, стакан поставить.

– Могли, – согласился Гуров. – Только выдернули две страницы, а вставили одну, нумерацию в открытую поменяли, что, как нам известно, случается. Обождем, спросим... Пока кофе свари, отодвинь засовы.

Крячко кофе варить не стал, заказал Верочке по телефону.

Секретарша, расставляя чашки и тарелку с бутербродами, неодобрительно заявила:

– Петр Николаевич велели не беспокоить, иначе я бы давно принесла.

– Верунчик, ты наша надежда и оплот. – Крячко не мог проглотить кусок, хлебнул кофе и обжегся.

В это время в дверь постучали, Гуров впустил оперативников, которые утром принесли дела, Верочка ушла, засовы задвинули.

– Присаживайтесь, господа, в ногах правды нет.

Роман, который был явно за старшего, усмехнулся:

– Лев Иванович, легко ты в господина превратился. Хотя, по правде сказать, всегда был не ментовских кровей.

– Не обижай моего шефа, Роман, – откликнулся Крячко. – Они и на пол сплюнуть могут не хуже вашего, и слова разные знают отлично, а уж подражаться, так вам обоим сто очков форы. Они все умеют, только не любят.

– Да все я про Гурова знаю, – миролюбиво ответил Роман. – Много по делам нацепляли? Справку пришлешь генералу или нам в руки доверите?

– Во-первых, Рома, все о Гурове ни я, ни даже он сам не знает. Дело ваше в нормальном милицмейском порядке, никакой справки составлять не будем, мы люди занятые.

Гуров пил кофе, курил, словно разговор шел о постороннем.

– Так мы можем забирать секретную макулатуру домой?

– Обязательно, – копируя своего друга, ответил Крячко. – Кажись, у Льва Ивановича один вопрос пустячный.

– Да? – Роман насторожился. Ему была прекрасно знакома манера матерых оперов задавать ерундовые вопросы перед отправкой в камеру.

– Данное дело кто ведет? – Гуров отодвинул папку.

Роман все понял, обреченно кивнул.

– Мое дело.

Гуров открыл папку в месте, где она была заложена шариковой ручкой.

– Где десятая и одиннадцатая страницы?

Оперативник не испугался, длинно сплюнул, разразился витиеватой матерщиной, несколько успокоившись, заговорил:

– Упреждал я этого козла в золотых погонах, что дела не на инспекторскую проверку несем и нечего опытным сыскарям лапшу навешивать. А он: мол, выполняй, что приказываю.

– Так я же не сужу тебя, Рома, – миролюбиво сказал Гуров, – лишь спрашиваю, где страницы, а коли уничтожили, что в них было?

– Вы сначала докажите, какие страницы были и пропали, – впервые заговорил второй оперативник. – Докажите, потом вопросы задавайте...

– А тогда какие вопросы? – удивился Крячко. – Я не расслышал при знакомстве, вы кем, собственно, будете?

– Я старший офицер милиции...

– Обыкновенный придурок. – Роман вздохнул. – Генеральский прихвостень из канцелярии.

– Что придурок – видно. – Крячко кивнул. – Ваше удостоверение, пожалуйста.

– Да подавись. – Опер швырнул на стол удостоверение.

– Лишнее, что ли? – Крячко взял удостоверение и прочитал: – Подполковник милиции Кокин Семен Семенович, состоял на службе...

– Как это – состоял? – Кокин привстал, но Роман дернул его за штаны, усадил на место.

– Лев Иванович, извини дурака, весь спрос с меня.

– Кокин, либо ты будешь молчать, либо я тебя выставлю за дверь мотаться по коридорам, так как ксиву я тебе не верну, – сказал Крячко, убирая удостоверение Кокина в стол. – Понял?

– Розыскник, мать твою, на ровном месте раскололся! Не боись, я генералу доложу, он тебя за мотню к потолку подвесит.

– Мы зря теряем время, – взглянув на часы, сказал спокойно Гуров. – Давай, Рома, повествуй. Ты же не заставишь меня знакомиться со следственным делом в прокуратуре? Выдернуть листочки из него вам не удалось, не так ли?

Роман взглянул на Кокина, вздохнул.

– Ну, как есть...

– Не отвлекайся, больному не поможешь. – Гуров закурил, угостил сигаретой Романа, подвинул пепельницу.

– Спасибо, – Роман жадно затянулся, открыл папку с делом, разложил фотографии и начал пояснять: – Значит, вот подъезд. Из этого окна его застрелили, туда он упал замертво. А вот здесь, в стене дома, рядом с входной дверью, на высоте сто семьдесят один сантиметр я нашел пистолетную пулю девятого калибра. Откуда взялась пуля и когда, может, прошлым годом – неизвестно.

– Что говорят баллистики, вид оружия, свежесть? Они многое могут – наука. Расстояние, с которого был произведен выстрел?

– Начальство решило, что нам одной пули, которую выпустили из винтовки, вполне достаточно. А эта, неизвестно откуда прилетевшая, вроде бы лишняя. Она и в опись не попала, значит, и экспертизу не прошла.

– Цела? – Гуров заметил, как Кокин взглянул на сигареты и облизнул губы, но закурить не предложил.

Роман достал из кармана маленький мешочек, вытряхнул из него кусочек свинца.

– Полагаю, что стреляли из «ПМ».

– Ширина улицы? – Гуров взял пулю.

– От подъезда до дома напротив сорок один метр.

– Какого роста убитый?

– Сто восемьдесят. Если стреляли в него, то в голову, одновременно. Пуля из подвала попала точно в сердце, расстояние шесть метров, а вторая пуля опоздала.

– А что прокуратура? – спросил Гуров.

– Лев Иванович, – Роман развел руками, – и в прокуратуре работают люди, никто лишнего на свою шею не ищет.

– Это точно, даже обязательно. – Гуров допил холодный кофе. – А кто в домах напротив живет? Гостевал кто, какие чердаки?

– Я просил участкового походить, проверить. Он не проверил, и я сам не пошел. Я один виноват.

– Я распоряжусь, тебе на пару дней МУР несколько человек выделит. Дело это пока оставляю, генералу твоему позвонят, он будет тихий. Ну а в дальнейшем он тебя, конечно, сожрет, тебе из твоего управления надо уходить. Спасибо. Возможно, ты нам очень помог.

Когда оперативники упаковали три дела в металлические чемоданы, оставив одно на столе Гурова, и ушли, Крячко спросил:

– И какие мысли? Ну, первое дело ясно – попытаться установить, откуда стреляли? Второе – как человек в это место пришел, как ушел? Кто его видел, если видел? И почему стрелка было два, причем один очень простой, а второй шибко хитрый?

– Ответы на первые вопросы будешь искать с операми района и МУРа. На последний вопрос существует лишь один ответ, если в принципе наша версия верна и было два исполнителя. – Гуров замолчал, закурил сигарету. – Ты, Станислав, не ругайся. Возможно, я несу бред.

Крячко согласно кивнул, устроился поудобнее. У него не было вариантов, ему интересно было взглянуть, что сыщик может высосать из пальца.

– Заказчик дал задание настоящему киллеру. Не знает его ни лично, ни опосредованно. Связь односторонняя, то есть киллер может связаться с заказчиком, вернее, с его посредником, а обратной связи нет. Истинный хозяин, то есть человек, кровно заинтересованный в смерти, скорой смерти Олега Даниловича Белоуса, торопится. Возможно, его подгоняют обстоятельства. Он торопит своего подчиненного. И что человек делает, когда ему сказали: «месяц», а связи нет? Признаться хозяину? Разумно, но разумные решения принимают в последнюю очередь. И посредник решает нанять второго убийцу. Найти настоящего киллера трудно, поэтому он нанимает обычного бандита, что поплоче, подешевле, зато побыстрее... Белоуса убивает второй наемник. После смерти банкира ему звонят, интересуются, когда можно будет получить деньги. Думаю, заказчик пытается изобразить возмущение. Происходит следующий короткий разговор: «Разве вам не звонили?» – «Звонили, но, видите ли, обстоятельства...» Но договорить посреднику, думаю, не дали, объяснили, что он не картошку покупает и вообще непонятно, о чем разговор, и, коли он возобновится, то оратору придется иметь дело с человеком, который звонил. Так, полагаю, все и было, – сказал Гуров, хотел закурить, но вместо этого взял пепельницу, встряхнул.

– А дальше? – спросил Крячко и, не зная он наверняка, что перед ним ас розыскного дела, подумал бы, что слушает рассказчика, который принял граммов несколько и развлекает публику.

– Новоявленным бизнесменам, как детям, спички давать нельзя. Босс еще и рубля не заплатил, а уже хочет музыку заказывать, торопит. Я уверен, что и срок договорный не истек, а посредник наложил в штаны и нанял парня попроще и подешевле, который и обосновался с винтовкой у подвала. Киллер, отслеживающий жертву, новобранца засек, решил, что у богатых свои приколы, звонить и требовать, чтобы дурня с ружьем убрали, не стал, а пошел за ним – след в след. Киллер не сомневался, свое он в любом случае получит, ведь даже дурак знает, что сегодняшним днем жизнь не кончается. Место убийства определил человек с винтовкой, оно киллера по какой-то причине не устраивало, но иметь «слепого» напарника киллер согласился: в случае неудачи менты берут человека с ружьем и успокаиваются. Стреляли одновременно, киллер целил в голову, убийца в грудь. – Гуров непроизвольно почесал место, куда два года назад засадил пулю покойный Эфенди. – С шести метров стрелять в грудь – это очень непрофессионально. Думаю, стрелка давно нет в живых. Боевичок – средняк, расходная карта.

Но он был намного ближе, его пуля оказалась быстрее. Если изначально мы не обмишурились, то расклад мне видится именно такой.

– Как ты свои байки придумываешь, для меня загадка по сей день, – сказал Крячко.

– Не прибедняйся и не держи меня за дурака. Ты сам знаешь, что я изложил историю, похожую на правду, хотя, может, та пуля из иной истории. Завтра с утра подскочишь на Петровку, сдашь пулю на экспертизу.

– Она без паспорта, не возьмут.

– Ты бывший начальник отдела, сейчас выполняешь задание начальника главка. Пулю выковырял из собственного уха, тебе необходимо знать все о ее происхождении, в принципе все, что баллистика может из нее выжать.

– И мы начинаем работать по данному делу?

– Не торопись. Главное – ознакомиться с остальными «мокрыми висяками», которые причисляют к заказным, постараться установить, действовал ли где киллер-одиночка. Потом мы начнем дела изучать и загружать компьютер.

– Позже мы будем отбиваться от генералов...

– Не беги впереди паровоза, Станислав. Поживем – увидим, – ответил Гуров.

Глава 3

На следующий день Гуров просматривал новые розыскные дела, которые принесли два молодых незнакомых оперативника. Артем Ермаков что-то бормотал компьютеру, разговаривал, как с живым человеком. Около четырнадцати позвонила секретарь Орлова, передала, что генерал просил зайти. Гуров обрадовался – от долгого сидения его начинало клонить в сон, однообразная работа наводила тоску.

– Запрись и никого не пускай, хоть министра, хоть президента. Ты даже на стук не отвечай. – Гуров убрал документы в сейф, оставив Артему одну папку, с которой он работал.

– Пуля, которую вы со Станиславом нашли, интересна, но сильное сомнение вызывает, – отвечая на приветствие Гурова, пробормотал Орлов. Вытащив из-за стола свое короткое, крепко сбитое тело и разминая затекшие ноги, пробежался по кабинету. – Бери кофе, кури, усаживайся на свой насест, черт с тобой!

Гуров взял чашку кофе, примостился на подоконнике. Орлов прошелся по кабинету, помассировал короткими пальцами шишковатый лоб и бесформенный нос, вновь опустился в кресло.

– Ты сам-то полагаешь, это нормально, что стоило Гурову бумагами пошелестеть, как обнаруживается криминал?

На риторические вопросы Гуров никогда не отвечал, понимая, что слушает увертюру, вызвали его по другому вопросу, о котором Петру говорить не хочется и он, так сказать, разминается.

– Куда Гуров ни ткнется, обязательно скандал. Полагаешь, прокуратура от твоей находки в восторге? Я знаю, что откопал сокрытие не ты, а Станислав. Знаю, что прокуратура о пуле в стене изначально знала, но люди договорились молчать, а Гуров пришел и нагадил.

– Фи, мой генерал! – Гуров передернул плечом. – Не распаяй себя, Петр, валяй по существу, чего тебе от меня надо?

– Тебя Бардин в гости звал? Звал. А ты, хам, даже не позвонил. Бардин – парень совсем неплохой. Заместители министров не привыкли, чтобы их приглашения игнорировали. Это элементарно, в конце концов. Он супружнице сообщил, та подруге растрепалась, а тебя нет. Нехорошо... Может, они пирог испекли.

– Петр, конкретного разговора не было...

– Приглашение старшего равносильно приказу и всегда конкретно, – перебил Орлов.

– Честно сказать, забыл. Теперь определенно не пойду, не уговаривай.

– А зачем мне тебя уговаривать? Я тебя попрошу, и ты побежишь. Сегодня вечером. С цветами.

– Нечестно, Петр...

– Лева, прошу. Мне это нужно.

Бардины жили в переулке за Таганской площадью. Гуров по бульварам выехал на набережную, миновал Кремль, гостиницу «Россия» и, хотя особо не приглядывался, почувствовал, что его «ведут». Он ехал чуть медленнее общего потока машин. Серая «Волга»-такси «засветилась» невольно: могла проехать на мигнувший желтый, но остановилась рядом. Гуров спустил боковое стекло и спросил у мужчины, сидевшего рядом с водителем:

– Земляк, время не подскажешь?

– Без пятнадцати восемь, – недовольно ответил «пассажир».

– Спасибо. У тебя ко мне есть вопросы?

Зажегся зеленый, «Волга» сорвалась с места и умчалась, а Гуров, посмеиваясь, неторопливо прокатился мимо высотки на Котельнической, занял левый ряд, стал ждать, когда зажжется стрелка.

– И чего я людям кровь порчу? – пробормотал Гуров, сворачивая в переулок. – Им показали, как они делают свою работу. Только вот кому я мог понадобиться?

Дом, в котором жил Бардин, был один из трех домов, построенных недавно в тихом переулке, кирпичной кладки, с полукруглыми лоджиями и остальными признаками того, что строительство велось с большой любовью и уважением к будущим жильцам.

У подъезда выстроились машины, в основном иномарки. Инспектор ГАИ прогуливался, лениво поглядывая вокруг, словно девушку ждал, потому как поста здесь не полагалось и инспектор был знаком уважения ментов к святому месту. А скорее и уважение отсутствовало, а был мент на разводе, и пост этот вручался провинившемуся в виде наказания со словами: мол, лучше без денег смену отгулять, чем потом, когда, не дай бог, что-нибудь случится, отчитываться и без бани потеть.

Гуров выставил свою вишневую «семерку» в начальствующий ряд, кивнул инспектору, взял из салона свернутую в трубочку газету, в которой покоилась роскошная чайная роза, и вошел в просторный подъезд. Гуров знал код, но вахтер тем не менее вышел из стеклянного укрытия. Смотрел вежливо, но настойчиво.

– К Бардиным, – сказал Гуров.

– Пожалуйста.

Вахтер ушел за перегородку и снял телефонную трубку. Гуров оглядел просторный холл, диванчик, столик журнальный. Не высшая категория, но солидно, кивнул одобрительно, словно решил купить, освобождая розу и пряча газету в карман, вошел в лифт.

На лестничной площадке перед открытыми в квартиру дверями его поджидали две молодые женщины. Они стояли обнявшись, с одинаковыми улыбками и ямочками на щеках и вообще столь похожие, как только бывают сестры-близняшки.

– Здравствуйте, Лев Иванович, очень рады вас видеть, – произнесли они хором.

Гуров смутился, так как роза у него была всего одна.

– Прелесть! – Одна из сестер взяла у Гурова розу, озорно глянула на сестру. – Будешь хорошо себя вести, дам понюхать.

Они взяли Гурова под руки и повели в квартиру.

– Меня зовут Алла, я жена Бардина, а это моя сестричка Ирина. Я завидую ей – она разведена, но не завидую вам, хотя при вашем опыте и хватке...

– Не говори о старшей сестре гадости, – сказала Ирина, закрывая двойные двери. – Вы понимаете, полковник, что я приглашена исключительно для того, чтобы вас развлекать и оберегать.

– Что будем делать? – Хозяйка оглядела Гурова, как осматривают старый холодильник или телевизор, который выбросить жалко, а поставить некуда.

– Предлагаю временно поставить в угол, – улыбнулся Гуров.

Прихожая или гостиная, не поймешь, была обставлена шикарно: вдоль стен книжные полки, кожаная мебель, огромный телевизор – все новое и вызывающе современное.

– Николай Ильич еще не вернулся? – тихо спросил Гуров, хотя из-за дверей напротив доносились громкие голоса.

– Если бы! – Хозяйка свернула направо. – Веди гостя на кухню! Будем думать.

Кухня сверкала хромом, современной аппаратурой, белым столом и полукруглым диваном.

– Сажай за стол и наливай, – командовала хозяйка.

Гуров безропотно повиновался.

– Лев Иванович, вот такая история с географией получилась, – рассказывала хозяйка, помогая сестре накрывать на стол. – Заявился к нам дружок Бардина, они раньше служили вместе. Доронин Иона Пантелеевич. – Она бросила на Гурова быстрый взгляд, и сыщик понял – предполагается, что он должен знать «дружка», но он не знал, потому ответил просто дружеской улыбкой.

– Случается. У друзей дела, так я только рад: не каждый день простому менту удается бывать в подобных апартаментах в обществе очаровательных женщин.

– Он опасен, – сухо сказала сестре Ирина. – Водка, коньяк, виски?

– Это известно, его и Бардин побаивается.

– Мне плевать на твоего Бардина. Ему побаиваться должность обязывает, а я говорю о нас с тобой.

– У меня есть справка, – быстро сказал Гуров. – Я не ем маленьких девочек, даже самонадеянных. – Он взял из рук Ирины бокал виски со льдом, поклонился, увидел, как она опустила ресницы, мазнула языком по полным губам, и понял, что эту женщину он может забирать хоть сию минуту. И не потому, что женщина распушена или мужчина неотразим, а вот так, без объяснений и понимания, встретились взглядом и предохранители враз и все до последнего перегорели.

И хозяйка случившееся поняла, хотя взглядом ни с кем не встречалась, просто электрический заряд ударил такой мощности, что в стерильной кухне запахло паленым.

– М-да... – Алла покачала головой. – Только этого все же не хватало.

– Так уж лучше я, чем ты, – произнесла Ирина, глянув на Гурова невинным взглядом.

– За знакомство, Лев Иванович! – Хозяйка чокнулась с Гуровым, сделала глоток.

Гуров кивнул каждой из сестер персонально, лишь пригубил и сказал:

– Дружок, как я понимаю, из высокопоставленных и не совсем трезв.

– Волшебник, – прошептала Ирина.

– Только сыщик, – поправил Гуров. – Они во хмелю гневны, не любят милицию, и девушки опасаются, что об их гостя будут вытирать нож. Милые девочки, если собрать в одно место всю обувь, которую об меня вытерли, то в Лужниках можно открывать ярмарку. Одной парой больше – даже не смешно.

В глубине квартиры хлопнула дверь, раздались шаги, и в кухню вошел хозяин.

– Лев Иванович, привет! Спасибо, что заглянул. Как тебе мои девочки?

– Высший класс. – Гуров хотел встать, но сестры схватили его за руки.

– Дорогой, у тебя своя компания, у нас своя. Мы твоего Иону православного вот так наслушались! – Хозяйка провела рукой по горлу. – Нам ваши дела неинтересны.

– Алена, ты собственница и эгоистка, – рассмеялся Бардин. – Ты же знаешь, что Иона в Думе курирует милицию, ему интересно увидеть живого милиционера.

– Никогда не знал, что в Думе нас тоже курируют. – Гуров отставил стакан с виски. – А до милиции господин курировал сельское хозяйство?

Бардин сдержал довольную улыбку, промолчал, а жена взяла Гурова под руку.

– Пойдемте. У меня просьба: если Иона вам очень не понравится и вы решите его ударить, бейте так, чтобы он не мучился. Он парень вздорный, но неплохой.

Иона Пантелеевич Доронин оказался сухощавым, костистым мужчиной, лет сорока, с лысиной, которую он пытался прикрыть длинными редкими прядями, перекинутыми от одного уха к другому. Сейчас, когда он поднялся, жидкие волосы свесились на одну сторону, обнажив лысину, отчего вид у депутата получился комический.

Гуров пожал Ионову ладонь, сел на предложенный стул и расстроился. Он собирался выпить в обществе красивых женщин, поговорить ни о чем с Бардиным, забросив несколько проверенных крючков, уехать часиков в десять с сестрой хозяйки и провести ночь, как решат женщина и Бог.

Теперь все рушилось. Гуров никогда не пил, если за столом оказывался агрессивно пьяный. Милицейский опыт доказывал, что подобная ситуация непредсказуема, может кончиться катастрофой. А трезвым он не умел ухаживать за женщинами, становился молчаливым и злым, а, теряя легкость и остроумие, переставал нравиться, в общем – замкнутый круг.

– И что же милиция думает по поводу преступности? – как можно мягче спросил депутат. – Как воспринят указ президента, который предоставил вам все права?

– Оставь, Иона, человек в гости пришел, – вмешался Бардин. – Вы почему не пьете, Лев Иванович? Мне докладывали, что отнюдь не чураетесь.

– Я за рулем, Николай Ильич.

– Обижаете, я вам дам сопровождающего.

Доронин выпил стопку водки, хрустнул огурцом и неожиданно схватил Гурова за рукав.

– Выпей, мент, не выдрючивайся!

Бардин хотел вмешаться, но Гуров взглядом остановил хозяина.

– Иона Пантелеевич, я не пью за рулем, с пьяными и когда просто не хочу пить. Надеюсь, что этого достаточно.

– Лев Иванович, мне пора. Проводите? – Ирина встала из-за стола.

– Ирка, стерва, ты в соседнем подъезде живешь. – Депутат снова дернул Гурова за рукав. – Не ходи, мент, пожалеешь.

Гуров взял пальцы Доронина в горсть, подвернул на перелом, депутат взвизгнул и шарханулся в сторону.

– Извините, не хотел. – В голосе Гурова зазвучали скрежещущие нотки, которые приобретает розыскник за многие годы работы. Они часто убеждают людей быстрее, чем милицееское удостоверение и даже оружие.

– Алла... Николай Ильич... – Гуров поднялся, развел руками и поклонился.

– Извини, Лев Иванович, – сказал Бардин, провожая свояченицу и Гурова до лифта. – Он парень хороший, только пить ему нельзя.

Квартира Ирины была не такой шикарной, но подавляющее большинство москвичей о такой и мечтать не могли. Женщина молча достала из холодильника бутылки, Гуров так же молча налил, и они выпили. Гуров налил себе сразу вторую порцию, быстро выпил, бутылки убрал в холодильник, закурил, после небольшой паузы спросил:

– Сколько тебе лет?

– И сто, и пятнадцать, зависит от настроения. В паспорте записано, что тридцать восемь.

– Давно развелась?

– Черт его знает! – Женщина потерла висок. – Сейчас соображу... Четыре, нет, шесть лет назад.

– Где работаешь?

– У отца в фонде. Ты знаешь, как моя фамилия?

– Знаю, что не Горбачева, и слава богу.

– Но мой отец...

– Извини, мне неинтересно.

– А что тебе интересно? Тебе кто-нибудь, кроме тебя самого, интересен?

– Возможно. – Гуров поцеловал женщину в висок. – Извини, но я не виноват.

– А кто виноват?

– Стоит подумать. – Гуров шагнул к дверям, поправил галстук, одернул пиджак. – Вопрос интересный, главное – оригинальный. Я на днях позвоню.

– И не вздумай, я не желаю тебя видеть.

– Лгать нехорошо. – Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Человека, который стрелял из пистолета с чердака дома, расположенного через улицу от подъезда, где застрелили банкира, звали Борис Сергеевич Галей. В юности он пытался выяснить, откуда у него такая несурзная фамилия, но мать не знала, отец же жил так, что не то что фамилию, имя собственное забыл, а вскорости от белой горячки и помер. Борису было тогда шестнадцать, его меньшому брату Сашке – семь, мать Евдокия, женщина по паспорту молодая, а по виду и здоровью вином окончательно пришибленная, после кончины супруга и основного собутыльника продержалась всего ничего – через год схоронили. Братья остались одни в двухкомнатной по тем временам отличной квартире, которую у них наверняка бы отобрали, а самих запрятали в детдом, если бы не один момент, о котором чуть позже. Пацаны, прячась от семейных скандалов и драк, целые дни проводили на «Динамо» – в те шестидесятые знаменитом стадионе. Разница в десять лет не мешала ребятам быть всегда вместе, наверное, их объединяла цель – заработать на еду и нежелание идти домой. Подмести, полить, подкрасить – да мало ли дел на таком огромном стадионе. Сашке было пять, а Борису четырнадцать, когда вся стадионная обслуга знала ловких, услужливых мальчишек отлично. Урны покрасить, лавки переставить, из взрослых кто с похмелья ног не волочет, а кто уже опохмелился и ему ноги переставлять неохота, и тогда раздавался вопль: «Пацаны! Галеи, черти, где вас носит?» И братья, как чертенята, сразу же вырастали из-под земли. Они выслушивали задание, кивали и стояли истуканами, пока взрослые не называли цену. Бутылка молока, батон хлеба, рубль, талончик в столовую – братья брали все и работу выполняли. Но вскоре все знали: если заплатишь мало, то больше не придут. Пацаны никогда не торговались, не брали цену вперед, они были молчаливы и сосредоточены в драке за эту жизнь. Они давно поняли: на отца с матерью рассчитывать нечего, есть они двое, Борька и Сашка, и никто им не поможет. Они твердо знали, нельзя пить и красть, потому как пропадешь. Вином у них пропахли стены дома, а от воровства их отучили мелкие жулики с наколками и финками, которые сновали на стадионе и словно челноки кружились между тюрьмой и волей. Ворье братьев уважало за молчаливость, дикую злобу и стойкость в драке, не трогало, не соблазняло, между собой называло «мужичками». Борис попробовал себя в спорте, ловко дрался на ринге, таскал мячи за футболистами и сам один сезон отбегал в команде мальчиков. Но у него был острый и цепкий ум, он быстро понял, с какого момента в спорте приходят деньги и сколько пота и крови надо пролить, чтобы выловить свой шанс. И еще он увидел, что к тридцати «звезды» уже никому не нужны. Цепким мужицким умом он просчитал, сколько лет надо умирать и «пахать», в случае удачи сколько лет можно будет по-людски пожить, потом сызнова лизать барские задницы за подачки с чужого стола.

Когда отец с матерью выпили последние стаканы и сторели в крематории, Борису исполнилось шестнадцать, а брательнику шесть. Они были вполне самостоятельные, зарабатывающие себе на жизнь люди. Младший шастал по магазинам и готовил еду, старший добывал деньги, не гнушаясь никакой работой. Сосед по площадке, одноногий фронтовик, знавший пацанов с рождения, усыновил их. Вопрос о детдоме отпал. Они сами сделали ремонт, отциклевали пол, побелили, проветрили, и квартирка засверкала. Так и жили брательники, пока старшему не пришел срок идти в армию. Тут помогло родное «Динамо». Бориса пристроили в часть, стоявшую у «Сокола», где служили спортсмены – мастера невеликого ранга. Борис быстро выучился на шофера, а всегда трезвый и аккуратный шофер ценится в России со времен, когда еще не существовало автомобиля. В части быстро проведали, что у водителя Галея имеется младшенький, и ежедневно в кабину ставили судки, из которых можно было накопить не только Сашку, но и одноногого ветерана-опекуна.

За три года службы Борис обучился на водителя первого класса, получил аттестат об окончании десятилетки, прилично стрелял, знал азы рукопашного боя, плюс рекомендация родного «Динамо» – и школа КГБ пополнилась новым курсантом. Еще через три года сухощавый, лобастый, сдержанный и молчаливый Борис Сергеевич Галей стал лейтенантом госбезо-

пасности. Надел серый костюм, серый плащ и серую шляпу и начал нести службу во втором Главном управлении КГБ. Борис очень нравился кадровикам и начальству, он полностью соответствовал всем требованиям, которые предъявляла система к необходимым ей винтикам. По анкете все было чисто – где следовало, писалось «да» или «нет» в зависимости от вопроса. Не пьет, порочащих связей не поддерживает, дисциплинирован, исполнительен, безынициативен, нечестолобив, сомнительных разговоров не ведет. А то, что у Бориса Сергеевича Галяя нет ни души, ни сердца, так это никого не интересовало, да и графы соответствующей ни в одной анкете или характеристике не сыщешь.

Когда братьям исполнилось одному двадцать восемь, а другому восемнадцать, между ними состоялся первый и единственный в их жизни разговор по душам.

– Ты уже взрослый мужик, брат. Мы свое оттерпели, пора определяться, – сказал Борис, разливая чай.

– Я с рождения взрослый, а решать тебе.

Несмотря на разницу в возрасте, они были очень похожи, младший догнал ростом, крепкие сухощавые парни, лобастые, немногословные, скупые в движениях, с простоватыми русскими лицами, сероглазые. Хоть братья ни разу не брали в руки оружия, в округе их побаивались, а залетные уголовники часто принимали за своих. Наверное, последнее объяснялось тем, что братья хотя не только не сидели и ни разу не привлекались, но жили по законам «зоны»: никому не верь, никого не бойся, никогда не проси.

– Воровать мы не будем – верная тюрьма, я знаю, – сказал Борис. – На службе меня далеко не пустят – чужой. Думал через комсомол либо партию толкнуться – та же банда, целовать и лизать надо, а у меня язык шершавый.

– Ты говорить не умеешь, – вставил младший. – Я тоже думал: для нас в этой жизни одна дорога оставлена – в холуи.

– Не пойдем. – Борис допил чай, братья убрали со стола, помыли и вытерли посуду, вновь уселись за покрытый чистой клеенкой стол.

– Только самая верхушка жирует, и там половинка перевербована и ссучена, любого стука бояться, а еще выше я не заглядывал, да нам и ни к чему. Если мы в этой халупе тянуть от зарплаты до зарплаты не согласны, надо рискнуть. Только вдвоем и только один раз.

– А промажем, так вышка, – не спросил, сказал утвердительно Сашка. – Я согласен, потому как это тоже не жизнь.

– Я в этом деле понимаю, мы парни подходящие, на учете не состоим, агентуры под нами нет, где взять, я найду, остается решить, как деньги реализовать, чтобы не засветиться. Но сначала надо с твоей армией решить, твой год призывают, а ждать тебя силы нет.

– Я «белый билет» получил.

– Молоток! Как удалось закосить?

– Сами дали, чего-то нашли... Этот, с молоточком, что психов определяет. В позвонке чего-то нащупал, по кабинетам водил, другим лечилам показывал.

– Чего молчал? – Борис забеспокоился. – Операцию предлагал?

– А чего болтать? Он много чего предлагал, о наших матери с отцом расспрашивал, вроде наследственное у меня.

– С головой?

– Черт его поймет, говорили: нога может начать сохнуть. Правая нога у меня как отмороженная.

– Чего молчал, – возмутился Борис.

– У тебя забот мало? – Сашка поморщился. – Может, обойдется.

Не обошлось. Нога у Александра все усыхала, слушалась хуже, потом вообще отказала, пришлось встать на костыли. Врачи говорили разное: одни настаивали на ампутации, другие утверждали, что ногу можно спасти, надо лишь настроиться на долгое лечение.

Братья терпели с рождения, копили злость на мир, который с детства бил их без передышки. Конечно, с чем сравнивать: было много людей, живущих и похуже братьев.

Борис получил майора и приличный оклад, Сашка стал инвалидом первой группы – на жизнь хватало. Только жизнь такая братьев совершенно не устраивала. Ни врачи, ни экстрасенсы, даже колдуны помочь младшему не могли – нога мертво гноилась.

Но бесплатная советская медицина ничего, кроме как отрезать кусок отмершего тела, предложить не могла. Система отстреляла, пересадила, изничтожила талантливых, да и просто профессиональных людей во всех областях, и медицина не составляла исключения.

Горбачев начал перестраивать, пытался из танков наделать сеялок и швейных машинок, но заряжающих и наводчиков сохранить. Что у нас получилось – известно.

Когда в Москве начали постреливать, затем стрелять азартно, майор Галей, изъев у преступников несколько пистолетов, не сдал их любимой власти, а сохранил для себя – так, на всякий случай. Начались бесконечные перетасовки спецслужб, их соединяли, разъединяли, переименовывали, сокращали, и очень быстро майор Борис Галей, человек замкнутый, без блатных связей и покровителей, оказался крайним. Ему предложили сдать дела, кадровик даже тяжело вздохнул:

– Ты, Борис, самым надежным у меня был. А что я могу? Приказано сократить энное количество единиц. У одного дядя имеется, у другого сосед, третий жене генерала потрафил. А ты единица, никем не защищенная. Иди в коммерческие структуры, такие там нужны, деньги платят приличные, не то что у нас.

Бориса взяли в одну из фирм охотно. Оклад положили приличный, и стал он охранять шустрых пацанов, разъезжающих на шикарных иномарках. В доме Галеев появился достаток, жизнь текла тихо, однообразно. Борис уходил на работу, Сашка хозяйничал по дому, готовил еду, прибирал.

Он от рождения говоруном не был и теперь молча боролся за жизнь, если его существование можно было назвать жизнью. Он ни разу не пожаловался на боли, на озноб, который охватывал его вечерами, когда температура поднималась.

Борис тоже молчал, решая, где, как и когда можно взять солидный куш с минимальным риском. После того, как брат обезножел, отставной майор не имел права промахнуться – без него Сашка пропадет. И младший это понимал, не только не торопил, но и ничего не спрашивал.

Если раньше Борис планировал взять инкассатора и сложность заключалась лишь в том, как обойтись без наводчика, то теперь, когда он остался один, касса или инкассатор практически отпадали. В девяностых годах начались заказные убийства. Борис понял, что это дело для него подходящее, следовало найти солидного заказчика. Так где его взять?

Пацаны, которые работали вместе с Борисом, промышленляли мелким рэкетом, много болтали о миллионах, но Борис видел, что все это несолидно. И хотя районные менты все на корню были куплены коммерсантами, бывший комитетчик отлично понимал, что круговая порука гроша ломаного не стоит. О каждом деле знали несколько человек, а если человек солидный захочет шпану со шпалерами повязать, так и веревка не понадобится. Одному сунут крючок, потащат в околоток, и за решеткой окажутся все, крепко держась друг за дружку.

И Борис дождался. Январским слякотным днем он, выйдя из метро «Динамо», направлялся домой, рядом остановился забрызганный грязью, но все равно шикарный «БМВ», стекло бесшумно опустилось, и чей-то насмешливый голос произнес:

– Никак Борис Галей? Садись, приятель, здесь не дует.

Борис молча сел в машину, стряхнул с ботинок коричневую кашу, только после этого занес ноги, прихлопнул за собой дверцу, взглянул на водителя.

Им оказался Яков Исилин. Они вместе учились в школе КГБ. Вскоре Яшку взяли за валюту, статья в те времена была суровая. Исилин загремел на долгие годы, пропал, с тех пор они и не виделись, но узнали друг друга сразу.

Исилин сидел, откинувшись, в шикарном, мягко урчащем лимузине, разглядывал бывшего однокашника насмешливо, но с явным интересом.

– Судя по бедности убранства и курточке из Турции, все властям служишь? – Исилин достал пачку «Мальборо». Борис сигарету взял, хотя курил крайне редко. – Майор, подполковник?

– Был майором. – Борис зевнул.

– Погнали? – Яков хохотнул. – Тебя-то за что? Ведь праведнее тебя я человека не встречал. Хотя, признаюсь, Борис, я в твою правдивость никогда не верил. Ты хищник, волк, только затаился. Как у тебя терпения хватало, не пойму. А чем же ты оскоромился, коли погнали?

Борис понял, что с таким болтуном никакого дела иметь нельзя, потянулся к дверному замку, чтобы выйти, но Исилин схватил его за рукав.

– Стой, Борис! Ты по моим улыбочкам и болтовне не суди, я теперь человек серьезный. Два года «зоны» – не кот чихнул, выучился. А что пустое болтаю, так у каждого своя масочка. Ты, скромняк и молчун, так и не пьешь до сего дня? Вижу. Но человека тебе зарезать, что два пальца обоссать. Так? Было так и осталось... У меня к тебе дело имеется.

Борис взглянул на Якова с сомнением, сказал:

– Покажи права и техпаспорт.

– Ты теперь в ГАИ?

– Покажи.

– Пожалуйста. – Исилин протянул документы.

Борис изучил их внимательно, вернул и сказал:

– Подвези к дому, я Сашке скажу, что задерживаюсь, потом поговорим.

– Так пойдем к тебе.

– Обьезжай стадион, там налево. – После небольшой паузы Борис добавил: – Ко мне нельзя. Сашок приболел.

– Как тебя помню, ты все возишься со своим младшеньким. Он ведь теперь лоб здоровый.

– Заткнись, делай что велят.

Борис заскочил домой, убедился, что все в порядке, сказал, мол, скоро вернусь.

– Братан, – Сашка зыркнул светлыми глазами, – не торопись. Ничего не обещай.

– Не волнуйся и ешь без меня.

Кафе было маленькое, чистенькое и, судя по охраннику, дорогое. Исилина знали, усадили удобно, на Бориса глянули с удивлением – его внешний вид не соответствовал. Накрыли быстро и ловко, налили и с поклоном удалились.

– Умеючи и в России обслуживают, платить надо, – самодовольно произнес Исилин.

Судя по всему, у него деньги имелись серьезные. Борис и документы проверил для того только, чтобы убедиться, что машина личная, а не какого-нибудь СП или одолженная у приятеля.

– Вижу, ты здесь личность известная, – равнодушно сказал Борис, отодвигая рюмку с водкой и наливая себе сок.

– Меня в Москве знают. – Яков самодовольно улыбнулся.

– И какой же у тебя ко мне разговор, коли ты его начинаешь, засвечивая нашу встречу перед холуями, из которых каждый второй стучит?

– Брось, здесь все схвачено, только глухонемые работают.
– Каждая рыба глухонемая, пока в пруду плещется, а попадет на сковородку, заговорит человеческим голосом: «Чего тебе надобно, старче?»
– Гляди, ты и Пушкина читал!
– Короче, чего надо?
– А ты где сейчас?
– Не в конторе, вольный стрелок.
– Мне и нужен вольный и меткий.
– Я сам рогатку в руки не беру, но, если зверь крупный, оплата нормальная, охотника найду.

Борис, привыкший с детства ценить каждый кусок, ел салат неторопливо и аккуратно, вытирая тарелку хлебом и запивая водой. Исилин ковырял вилкой нехотя. Выпил две рюмки водки, внимательно разглядывая бывшего однокашника.

– Вроде ты и в «зоне» не был, а манеры у тебя зековские, – с усмешкой произнес он. – Значит, если цена подойдет, стрелок будет?

Борис не ответил, глянул недобро, прикурил, пыхнул сигаретой неумело.

– Мне домой надо, дела, разойдемся тихо, ты ничего не говорил, я ничего не слышал.

– Как? – Яков Исилин улыбаться перестал. Лицо у него дернулось, веселость и дурашливость исчезли. – Ты чего, засбоил или испугался?

– Дураков не люблю и сам придурком никогда не был. Значит, едешь ты на иномарочке, глядь – старый кореш идет, ты и подумал, а чего бы его на интересное дело не нанять, вроде как дров поколоть? У тебя, Яшка, отродясь была одна извилина, и та в «зоне» мхом заросла. – Борис пододвинул тарелку с первым, осторожно, боясь обжечься, попробовал, кивнул: – Добрая еда. Как называется?

– Ну, хорошо, хорошо, я о тебе справки наводил, искал, уж больно ты мне в свое время понравился. – Исилин говорил тихо, серьезно. – Знаю, брат твой тяжело болен, его надо за границей лечить, дело очень дорогое. Учитывая твой характер и положение любимого брата, я решил тебя отыскать и рискнуть с предложением.

– Значит, ты решил на брательнике меня за горло взять?

– Выражения у тебя!.. – Исилин недовольно поморщился. – На тебе я остановился по трем причинам. Согласился, нет – ты мужик кремень, значит, риска никакого. Тебе необходима валюта, нам необходима услуга. Меня не интересует, кто исполнитель. Я говорю с тобой и с тобой расплачиваюсь.

– А мой Сашка у вас вроде заложника?

– Я этого не говорил. – Исилин налил себе рюмку и выпил.

– Твой человек гуляет один или в сопровождении?

– Двое друзей с ним не расстаются.

– Я передам твою просьбу. Дружок наверняка захочет на клиента взглянуть, тогда определит срок и сумму.

Исилин вытащил из кармана блокнот, ручку, написал занимаемую должность, место работы, домашний адрес, даже номер и марку автомобиля.

Борис Галей прочитал написанное, пододвинул пепельницу и начал неторопливо отрывать от листка тоненькие полоски, укладывая их кучкой.

– Уточню, но, похоже, потребуется сто штук «зеленых» и месяц сроку. Говорю ориентировочно, так как последнее слово не за мной.

– Ты что, Борис? – искренне возмутился Исилин.

– Так это я сказал. – Борис поджег бумажную пирамидку. – Может оказаться и дороже. А нет денег, не ходи в салон, пусть жена стрижет за бесплатно.

– Переговорю, но круто ты завернул.

– А ты ссорься с дворником, ему за бутылку башку оторвут.

Исилин расхохотался, шлепнул себя по ляжкам.

– Как свяжемся?

– А мы больше не свидимся. Ты по старому адресу?

– Так ты помнишь?

– Через недельку получишь телеграмму. Если заказ подтверждаешь, в одиннадцать вечера открой форточку на кухне – значит, часы пошли. Если отказываешься, не открывай.

– Аванс?

– Не берем.

– Как расчет?

– Тебе скажут.

– Не боишься?

– Я? – Борис взглянул удивленно. – А мне-то чего бояться? Смешной ты парень, видно, у хозяина тебя ничему не научили.

Яков Исилин, как и большинство людей, был о себе мнения высокого, но, разговаривая с Галеем, ощущал неуверенность, даже страх. Хотя, ну ничегошеньки угрожающего во внешности, словах или тоне Бориса не было. Простоватый русский парень: и слова обыденные, и голос тихий. «Может, плохо разведаль я, и не живет Борис бирюком с братом-калекой, а состоит в неизвестной мощной организации, потому и уверен, и от аванса отказался?» – подумал Исилин и спросил:

– А изменится что, как связаться? Можно ли тебе звонить?

– Думай сейчас. Как форточку откроешь – поезд ушел. Я из Москвы уеду, вернусь лишь к сроку, за деньгами.

– Тогда, считай, не говорили, я втемную не играю. – Исилин расплатился, и они пошли к «БМВ».

– До «Динамо» подбрось, я пешочком дойду, а за обед спасибо.

Исилин блефовал – от услуг Галея отказываться не собирался, потому, остановившись у стадиона, сказал:

– Но ты телеграмму на всякий случай отбей, может, хозяин и подпишется.

Борис достал из кармана куртки какой-то прибор, обвел фигуру Исилина, словно очерчивая контуры, кивнул и вышел из машины.

«Это он под конец разговора проверил, не записываю ли я нашу беседу, нет ли при мне электроники», – догадался Исилин и знобливо передернул плечами, потому что положить в карман магнитофон идея была, потом он о ней забыл, и совсем не от страха попасться, а от рассеянности. А сейчас на него словно ветром подуло. Так случается с человеком, когда он только собрался шагнуть с тротуара на мостовую, а всего в нескольких сантиметрах от него просвистел автомобиль. Человек представил, что его каким-то чудом не размазало по асфальту, и... Страх у людей проявляется по-разному. Исилин начал икать. Произошло это на старый Новый год, в ночь на четырнадцатое января.

Глава 4

В четверг группа была в полном составе. Гуров и Крячко читали розыскные дела, Артем колдовал с компьютером.

Был июль, но жара не наваливалась, чему особенно радовался Гуров, который ее терпеть не мог. В этом году лето задерживалось.

Вчерашние труды Крячко, оперативников МУРа и района не принесли существенных результатов. Убийство совершили четвертого февраля. Тогда ближайшие дома да расположенные по другую сторону улицы обследовали довольно тщательно и получили приметы молодого мужчины, который, видимо, стрелял из подвала. Теперь искали следы другого человека, но нашли лишь чердак, с которого наиболее удобно было произвести выстрел из пистолета.

Но тут не повезло: с месяц назад на чердак занесли кровельное железо. Если в феврале кто и бывал на чердаке, следы его уничтожены. Нашлась одна старушка, живущая на четвертом этаже, непосредственно под интересующим оперативников чердаком, которая утверждала, что зимой на чердаке кто-то ночевал. В каком точно месяце над головой начали осторожно расхаживать, старая женщина не помнила, утверждала, что снег тогда еще был.

Баллистики исследовали пулю, установили, что выпущена она была из пистолета «вальтер» с глушителем и скорее всего в феврале, но точнее установить не представлялось возможным.

Крячко читал розыскное дело по убийству залетного из Чечни «авторитета». Человека расстреляли из автомата. Конечно, убийство заказное и для Гурова неинтересное, так как действовал явно не профессионал, а бандит из конкурирующей группировки. Кстати, подобных дел было большинство.

Гуров внимательно изучал собранные материалы по убийству банкира в феврале, отдавая должное Роману Веселеру – инициатору розыска. Дело велось профессионально, тщательно и скрупулезно, дополнительные оперативные мероприятия составлялись с умом и фантазией и явно не для профформы. Малозначительных, посторонних бумаг для «веса и солидности» в дело не подшивали.

Роман предпринял серьезную попытку выявить фирмы, банки, лиц, заинтересованных в смерти банкира Белоуса, обратился к профессиональным финансистам, которые ознакомились с делами банка, представили розыску список крупнейших партнеров, клиентов, высказали свои более чем туманные соображения. И тут Гуров понял, что неумная фантазия завела его в дебри финансовых интересов и интриг, в которых сыщик абсолютно не разбирался, а следовательно, весь его опыт розыска и психолога был попросту неприменим.

Крячко отложил одну папку, раскрыл другую, поднял глаза на Гурова и сказал:

– Упорство и упрямство – качества разные.

– Ошибаешься, они очень близки, различны лишь результаты. Если человек день и ночь через семь потов копал и после только ему известного количества бессонных ночей выкопал результат, то человека величают упорным фанатиком и умницей. Если через тот же пот и мучения человек устроился в койку для дистрофиков и душевнобольных, человека обзывают упрямым ослом. Сначала мы этот путь пройдем, потом выясним, кто мы есть на самом деле.

– А нас независимо от результата обзовут психами, – почему-то весело сообщил Крячко. – Требуется на рукавички заказать, пиджаков не напасешься.

Гуров пожал плечами, взял папку, в которой были подшиты заключения экспертов, подошел к столу Ермакова, тупо взглянул на экран компьютера.

– Заряди эту информацию, Артем. Только не как она здесь собрана в виде винегрета, а придумай классификацию: банки отдельно, СП отдельно, фамилии в особый раздел. В общем, сообрази, на то ты и специалист.

– Не учите меня, господин полковник, – сухо ответил программист.

Гуров глянул на усмехнувшегося Крячко, вернулся за свой стол и открыл очередную папку. Не мог сосредоточиться на материале, мысли разбегались, возвращались в основном к событиям и разговорам прошедших дней, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к делу.

Началось с вызова сыщиков к Бардину. Задание замминистра Гурова не насторожило, он не осуждал людей, стремившихся выдвинуться: здоровое тщеславие – не порок, а стимул к действию. Хочется человеку оказаться на виду, из глубины и из неизвестных замов стать личностью – пусть. Ничего зазорного, и общему делу польза: хоть на грамм, а авторитет милиции станет весомее. Но почему Бардину понадобился арест именно профессионального киллера, а не просто наемного убийцы? Для гражданина все наемные убийцы одинаково опасны, и это естественно. И сам Бардин профессионального киллера от дешевого, наемного не отличит. Кто-то генералу подсказал. Ясно, что не Петр. Тогда кто и с какой целью? Задание не касается конкретного дела – значит, месть как мотив отпадает. Но за этим заданием что-то стоит, наверняка нечто серьезное, раз без звука вернули в строй двух полковников, которые своим уходом из органов оскорбили честь мундира.

Гуров позвонил Орлову, попросил принять и через час вошел в кабинет начальника и друга.

– Что у тебя? – Орлов перестал писать, взглянул недовольно. – Как прошел вчерашний вечер?

– Хочу знать твое мнение и о вчерашнем вечере тоже, – сухо, в тон начальнику ответил Гуров, привычно присаживаясь на подоконник.

– Сядь немедленно в кресло. Мне надоело сворачивать голову набок и смотреть против света. И с каких это пор тебя интересует чье-либо мнение, кроме твоего собственного?

Гуров послушно пересел, но не в низкое кресло для гостей, а занял приставной стул у книжной полки.

– Меня всегда интересует ваше просвещенное мнение, особо когда я не имею своего.

– Вторая половина соответствует действительности. Продолжай.

Гуров рассказал о своих сомнениях и неудачном визите к Бардиным, не утаил и рюмку, выпитую у свояченицы высокого генерала, и намечающийся роман.

– К чему бы все это, Петр? – спросил он наконец и замолчал.

– М-да... – Орлов почесал в затылке. – Какие-то нескладушки... У супруги имеется сестра, ее пригласили, естественно, для атмосферы, так сказать. А учитывая, как женщины обожают устраивать чужие судьбы, так и говорить не о чем. Но при чем тут пьяный депутат? Доронин, говоришь? Кажется, я однажды о нем очень лестные отзывы слышал. И он оказывается в квартире, хотя ты за час предупредил, что придешь? Друзья молодости... Сегодня Бардин несколько зависит от Ионы Пантелеевича, однако... в этих кругах не принято являться без предупреждения, да еще нетрезвым.

– Пьяным, – уточнил Гуров.

– Ну, лишнюю рюмку депутат мог и за столом принять. – Орлов состроил недовольную гримасу. – Конечно, мог заскочить вроде бы на секунду и застрять, ведь не вытолкаешь! Но ведь мы с тобой не любим случайные совпадения?

– Я так сразу на другую сторону перехожу. Забыл сказать: по дороге к Бардиным я засек за собой наглое некавалифицированное наблюдение. Сегодня проверил: машина списана в таксопарке, принадлежит бывшему таксисту, который сегодня занимается частным извозом.

– В тебя не стреляли?

– Петр, ты в порядке? – Гуров покрутил пальцем у виска.

– Так это ты забыл сказать о наблюдении.

– Я не придал значения. Работали грубо, на одной машине, полагаю – элементарная ошибка.

– Ты покажись врачу, дружок. Сестра-красавица, пьяный депутат и открытая слежка – это даже не кино, а цирк. За кого они тебя принимают? Придется тебе в данной истории разбираться.

– Простите, господин генерал, но, как вам известно, я имею несколько иное задание.

– Ты меня на «понял-не-понял» не бери, сопляк! Сказано, будешь заниматься – значит, будешь, – Орлов помедлил. – В свободное от работы время, – и после паузы добавил: – С сегодняшнего вечера. Как сестренку кличут? Ирина? Прекрасное имя, сам говоришь, что очаровательная – отец бывший секретарь ЦК, сегодня не функционирует. Действуй. Дари цветы, целуй руки, укладывай в койку! Я не знаю, как это делается, а ты знаешь!

– Петр, ты толкаешь меня...

– Заткнись! – перебил Орлов. Видно, бывшие шуточки кончились, генерал встревожен. – Легенда простая: возникла неловкая ситуация, а полковнику Гурову врагов хватает, он хочет с новым заместителем министра если не дружить, то жить мирно.

– Лгать нехорошо. – Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Непьющий и дисциплинированный Борис Галей в фирме, где он работал охранником, был на хорошем счету. И когда вечером после встречи с Яковом Исилиным отставной майор позвонил начальству и попросил несколько дней отпуска за свой счет и старенький «жигуленок», объяснив, что больного брата требуется свозить к врачам, то получил и машину, и отпуск мгновенно.

Он знал, где живет Яков, подъехал к его дому спозаранку, позвонил из телефона-автомата. Услышав знакомый голос, повесил трубку и, загнав машину в соседний двор, стал ждать.

В свое время Галей работал в группе наружного наблюдения и вести слежку умел. Но одно дело – группа, когда за рулем профессиональный водитель и на связи еще несколько машин, с которыми можно поменяться местами, и иная история, когда ты один. Галей не знал, с какой целью решил понаблюдать за Исилиным, действовал интуитивно. Если Яков решит проверяться, то слежку придется сразу бросить, иначе засветишься, да и не усидеть на «Жигулях» за «БМВ».

Иномарка подошла к подъезду Исилина около девяти. Тот мгновенно спустился и, как большой начальник, сел не рядом с водителем, а расположился на заднем сиденье. Галей на своих «Жигулях» пристроился следом, пропустив вперед «Ниву», выкатился с улицы Строителей на проспект Вернадского, понял, что занимается делом пустым – сейчас у светофора «БМВ» прибавит и уйдет, но случилось иначе: иномарка замигала, показывая, что припарковывается, не доезжая до метро. Улицу очистили, сгребли снег и наледь к тротуару. Галей нашел «дверку», которую оставила стоявшая недавно машина, въехал в ее колею, выскочил из «Жигулей», смешался с потоком тружеников, торопившихся к метро.

Яков вышел из машины неторопливо, осторожно перешагивая через сугроб, шел не оглядываясь. «БМВ» остался ждать. «У него что – встреча у метро?» – гадал Галей, следуя за бывшим однокашником. Народ шел густо, торопливо, вести слежку было легко. Но Исилин к метро не подошел, остановился у будок с телефонами. Из трех автоматов работал, видимо, один, так как две кабины пустовали, а у ближайшей, где женщина в платке и с сумкой оттопыривала задом дверцу и, судя по напряженному лицу, что-то кричала в трубку, толклись парень с девушкой. Автоматы стояли вплотную к стене дома, у занесенного снегом газона, и люди обходили будки с двух сторон, создавая для Галея просто идеальную ситуацию. Он достал из кармана портативный магнитофон с присосками, закамуфлированный под комочек грязи, помогая какой-то девице на каблуках устоять на скользком асфальте, прошел рядом с таксофоном и пришлепнул аппаратик на нижний край бокового стекла.

Дождавшись своей очереди, Яков зашел в будку, набрал номер, говорил менее минуты, после чего заторопился назад, к машине.

Борис поблагодарил судьбу за удачу. Решил не искушать ее дальше, забрал магнитофон и поехал домой. Он много хитрой техники натаскал за годы службы в КГБ, оружия у него было, как уже говорилось, три ствола, а сейчас вот и японский магнитофончик пригодился. В спецслужбе трудились патриоты, но отечественную технику не уважали, предпочитая импортную.

«– Здравствуй. Переговоры прошли нормально, в принципе подрядчик за работу берется.

– А не в принципе? – прозвучал нетерпеливый молодой голос. – Переходи к своим «но», я же слышу, что они у тебя в наличии.

– Цену ладит, хочет сто двадцать штук.

– Мудак. Ты мелкий кусочник, никто и никогда не просит сто двадцать. Не на барахолке».

Галей выключил магнитофон и рассмеялся. Молодой хозяин Якова был далеко не глуп. Борис Галей был очень доволен, и не столько самим разговором, сколько тем, что удалось так быстро установить номер телефона главного заказчика. Галей не сомневался, что номер настоящий, а не посредника-телеграфиста, иначе Исилин позвонил бы из дома, а не прыгал бы по гололеду в поисках исправного автомата.

– Чего гогочешь? – спросил недовольно Сашка.

– Купим тебе машину с ручным управлением, бабку найдем, чтобы твои тряпки стирала.

– Попрекаешь? – Брат еще больше набылся. За последний год он похудел, голубоватая жилка билась на виске под серой пергаментной кожей.

– Дурак, – без обиды ответил Борис. – Я ради кого навоз таскаю, грядки окучиваю? Ладно, братан, не заводись, тебе волноваться вредно. Давай дослушаем, чем толковище закончилось. – Борис нажал кнопку воспроизведения.

«– Что еще? – спросил хозяин.

– Подрядчик просит месяц на строительство.

– Месяц? Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что человек, видно, солидный, плохо, что месяц придется ждать. Какая предоплата?

– Никакой. Расчет по окончании работы.

– Удивляюсь, Яша, откуда у тебя столь солидные знакомые. Заболтались. Отбой. После завтра встретимся, обговорим детали».

Гуров шел длинными коридорами министерства и встретился с малознакомым полковником в форме, кивнул, хотел пройти мимо.

– Привет сыщикам! – Полковник остановился. Гурову пришлось задержаться. – С возвращением, Лев Иванович. – Полковник говорил так, словно они были чуть ли не друзьями. Гуров не знал имени-отчества полковника, но, судя по тому, что тот был в форме, и по развязности, человек служил в управлении кадров.

– Спасибо. – Гуров сухо кивнул, собрался пройти, но полковник преградил дорогу.

– Как тебе известно, я у Серебрякова, меня на ваше управление переводят.

Генерал Серебряков был заместителем начальника управления кадров, следовательно, Гуров угадал.

– Бог располагает, а кадры предлагают! – Полковник довольно хохотнул. – Слышал, ты инспекторской работой занялся, что-то Орлов специалистами разбрасывается.

– Ну, извини. – Гуров развел руками. – Я сейчас как раз от генерала, в конце дня увижу, обязательно передам, что ты недоволен.

Пока кадровик подыскивал ответ, Гуров пошел дальше. Из кабинета выскочили две девушки, видно, торопились в буфет, увидев сыщика, приостановились и чуть ли не хором сказали:

– Здравствуйте, Лев Иванович... Мы рады...

– Я так просто в восторге. – Гурову было с девушками по дороге, он подхватил их под руки и зашептал: – Девчонки, посоветуйте, отпустить мне усы или как?

– Ой, Лев Иванович, все-то вы шутите!

– Какие шуточки, девочки! – Гуров подтолкнул девушек к лифту. – Серьезный вопрос, можно сказать. – И зашагал дальше.

Даже наука пока не может объяснить, откуда возникают неожиданные ассоциации. Гуров не думал о депутате, практически забыл о нем, но вот столкнулся с полковником-кадровиком, вспомнил об убийстве, и потянулась цепочка. Одно звено крепко цеплялось за другое. И глаза у наглого кадровика круглые, и ничем он себя не выдал, однако...

Гуров выбил условную дробь по двери своего кабинета, отстранил откинувшего засовы Артема и уселся за стол.

– Станислав, что сказал Роман Веселер, когда позавчера покидал сию обитель?

Видно, вопрос Гурова сбил Крячко с какой-то важной мысли, потому что он болезненно поморщился, заложил ручкой лежавший перед ним том и вздохнул.

– Рома чего сказал? – Он потер висок, явно думая о чем-то другом. – Черт тебя подери, господин полковник! – Крячко бросил быстрый взгляд на Артема, увидел, что парень занят делом и не слушает перепалки старших. – Чего сказал? Что депутата какого-то в начале июня пришили. Они только осмотр начали, наехали прокуратура, кагэбэшники или как их иначе величать, и ментов от дела отстранили, бумажки и тело увезли в неизвестном направлении.

– Ты вчера весь день с Романом провел. Об этом деле разговора не было?

– Мы о футболе говорили, – почему-то обиженно сказал Крячко. – Убивают каждый день, а первенство мира по футболу раз в четыре года. А у нас опять четыре сбоку и вместо игры объективные причины. Я сызмальства в футбол не играл, но выпусти меня, так только мертвого бы принесли. Я бы их хоть перекусал...

– А они на твоём месте всех бы преступников словно бабочек сачком переловили! – перебил Гуров. – Значит, о последнем убийстве разговора не было?

– Нам не хватает? – Крячко указал на стопку дел.

– Я помню, Рома сказал, что депутата застрелили, а из чего стреляли?

– Из пистолета, – ответил Крячко, – но не «вальтер» и не «девятка».

– Да откуда ты знаешь, коли их прямо с осмотра убрали? – рассердился Гуров, пододвинул телефон, набрал домашний номер знакомого контрразведчика и услышал мягкий интеллигентный голос.

– Слушаю.

– Здравствуй, Юрий Петрович...

– Здравствуй, Лев Иванович. Пока с поздравлениями воздержусь.

– Умен шибко, – огрызнулся Гуров. – Все вы слыхали, словно я диктор телевидения. Я по тебе соскучился. Как бы проще решить данный вопрос?

– Подскакивай в низинку, где мы последний раз с тобой толковали, скажем...

– Через два часа, – подсказал Гуров.

– Прекрасно, я думал, ты торопишься. Ты меня дома застал случайно, я вновь служу... Запиши телефончик, суп стынет... Не ради старой дружбы. Значит, договорились.

Гуров позвонил по внутреннему телефону в приемную Бардина.

Полковник мог связаться с заместителем министра непосредственно, но решил предоставить Бардину возможность от разговора уклониться. Когда секретарь ответил, Гуров сказал:

– Здравствуйте, говорит полковник Гуров. Николай Ильич у себя?

– Приветствую, Лев Иванович! Какие проблемы? – раздался тут же голос Бардина.
– Здравия желаю! Надо бы посоветоваться. Когда вы, Николай Ильич, можете меня принять?

– Минут через пятнадцать.

– Спасибо. – Гуров повесил трубку, усмехнулся. – Наш новый зам большой демократ.

– Не привыкай, у него это скоро пройдет.

– Извините, Лев Иванович, – вмешался Ермаков. – Указывая приметы человека, довольно редко называют цвет глаз, а мне это крайне желательно.

– Какой цвет глаз у генерала Орлова? – глянув на часы и поднимаясь из-за стола, спросил Гуров.

– У генерала? – растерянно переспросил Ермаков. – Кажется, карие.

– Молодой человек, запоминаются лишь темные глаза и светлые, а если свидетель называет точный цвет, значит, он или врет, или придумывает... Запри за мной. – Гуров подмигнул покрасневшему лейтенанту и вышел.

– Здравствуйте, рад, что заглянули. – Бардин кивнул на кресло, приглашая Гурова сесть.

– Спасибо, я буквально на несколько минут, – опускаясь в низкое кресло, которых терпеть не мог, ответил Гуров. – Дело в том...

– Лев Иванович, ты нас с супругой извини за вчерашнее, – перебил Бардин. – Иона отличный мужик, но стоит выпить – дуреет.

– Пустое, Николай Ильич. – Гуров беспечно улыбнулся. – В России не пьют только больные да хитрые, и я не встречал ни одного, кто от спиртного умнеет.

– Девочки так хотели познакомиться с легендарным сыщиком, – Бардин тоже улыбнулся. – Будет возможность, на следующей неделе сообразим. Так я вас слушаю.

– Восьмого июня в Москве, адреса не знаю, застрелили депутата Думы, материал забрала контрразведка. А мне на те бумаги надо взглянуть. Они ребята с гонором, везти сюда папки могут отказаться, так вы скажите, что мент, который делом интересуется, человек не гордый, подъедет, куда скажут.

– Хорошо, Лев Иванович. – Бардин сделал пометку в блокноте. – Вам завтра сообщат.

– Извините, Николай Ильич. – Гуров поднялся. – Они отказать вам не откажут, но могут начать резину тянуть: сотрудник в командировке либо еще чего, так вы не настаивайте. Мне, конечно, интересно взглянуть на оперативные материалы, но для начала сгодится и следственное дело, которое в прокуратуре.

– Спасибо за совет. Думаю, мы получим и оперативные материалы, – сухо, с явной обидой в голосе ответил Бардин.

– Не берите к сердцу, Николай Ильич, – беспечно произнес Гуров. – У нас с соседями любовь давняя, взаимная. Разрешите идти?

Полковник контрразведки Юрий Петрович Еланчук, сорока четырех лет от роду, выглядел на удивление молодо, можно сказать, даже несерьезно. Такое впечатление о Юрии Петровиче создавалось за счет его невысокой худощавой фигуры и привычки франтовато одеваться, носить вместо галстука шейные платки. К тому же у него были тонкие, интеллигентные черты лица, открытый доброжелательный взгляд и манера тихо, напевно говорить. Он много лет прослужил в разведке, в совершенстве владел английским и свободно изъяснялся на немецком и французском. Объездил, что называется, полмира, а в другой половине побывал ненадолго, походя. Если Гуров, не желая того, источал силу, даже опасность, то Еланчук воспринимался окружающими как эдакий франт, человек образованный, но поверхностный. Он имел несколько боевых орденов, был блестящим аналитиком и прекрасным вербовщиком-агентурником, но не только это роднило его с Гуровым. Еланчук не любил начальство и не желал

врать и угождать, за что и был уволен более года назад. У него была семья, любимые дочки-двойняшки, которых он обожал и был обязан достойно содержать.

Уволенный из органов, он пытался найти свое место под солнцем, которое бы прилично оплачивалось. Устроился в коммерческую структуру и поначалу, не ведая того, начал способствовать транспортировке через Россию наркотиков, а когда проведал, то увяз в деле по уши. Здесь ему подфартило: хозяин наркопредприятия налетел на Гурова и разбился. Сыщик первым расшифровал Еланчука, сумел перед развязкой перетянуть его на свою сторону, а в финале спас ему жизнь и репутацию. О том, что Юрий Петрович Еланчук был замешан в наркобизнесе, знал только один человек. Гуров практически всю свою жизнь в уголовном розыске коллекционировал умных, информированных должников, словно скупой рыцарь. Хранил их в своей памяти, никогда без острой нужды не беспокоил и уж ни при каких обстоятельствах не напоминал о долге. К должнику можно обратиться с просьбой и только с просьбой – так понимал сыщик Гуров смысл агентурной работы, и половина его силы, а порой и больше, состояла из многочисленных знакомых, одни из которых были ему должны пустяки, иные не рассчитались бы и по гроб жизни.

Еланчук, сам прекрасный агентурист, когда дело по разгрому одного из звеньев наркоцеха закончилось и бывший разведчик прошел по делу лишь свидетелем, прекрасно понял, что рано или поздно полковник Гуров объявится.

Сегодня такой день настал, и два так внешне не похожих друг на друга человека прогуливались по тенистой аллее на Воробьевых горах. С одной стороны поблескивал окнами университет, с другой на смотровой площадке толкались туристы, за лентой реки простиралась, громоздилась наша любимая и нелюбимая, гостеприимная и чертовски опасная Москва.

Последний раз оперативники виделись на этой же аллее. Была ночь и непогода, рядом шастала смерть, разговор шел тяжелый и рваный. Сегодня светит солнце, на лавочках грелись пожилые люди, целовались молодые, мамы и бабушки с колясками – нормальная жизнь, не имевшая никакого отношения к профессии двух хорошо одетых, мирно разговаривающих мужчин.

Поздоровавшись и справившись о здоровье семьи, Гуров не спросил, где нынче Еланчук обитает, чем занимается, полагая, что, возможно, того вернули в строй, а возможно, на него обратил внимание Интерпол, что, учитывая биографию разведчика и последние дела, в которых он замазался, было очень даже вероятно.

- Ты не женился? – спросил Еланчук. – Все по крышам да чердакам?
- Обязательно, там и ночую, для удобства кладу «вальтер» под ухо.

Еланчук хотел было спросить, сколько можно и не устал ли коллега, но понял, что вопрос получится грубым и риторическим, и сказал:

– Ну, тогда выкладывай. Считаю, я верю, что пригласил ты меня со скуки и от безделья, а вопросы твои к делу отношения не имеют.

– Юрий Петрович, ты будешь очень смеяться, но практически так оно и есть. Видишь ли, попросил меня вельможа доставить ему киллера, да не просто убийцу окаянного, каких сейчас в городе как котов недавленных, а настоящего, взыправдашнего. Подозреваю, что вельможа не знает, какого точно зверя он хочет, и ему можно любого окровавленного подсунуть, но мне моя сыщицкая суть жульничать не велит.

– Верно, грех неразумных людей обманывать, – поддержал Еланчук. – А вельможа не подсказал, где конкретно взять того киллера?

- Нет, коллега сказал, мол, Москва большая.

Словно усомнившись, Еланчук взглянул на каменное громадьё до горизонта и спросил:

– А он, твой вельможа, положением своим недоволен? Надеется за счет твоей добычи лишнюю висюльку от царя получить?

– Для вельмож лишних висюлек не бывает, – наставительно произнес Гуров. – По сути, мой вопрос в том и состоит. Я же с тобой встретился не киллера в долг попросить. Зачем человеку нужен киллер, если человек волка от дворового пса отличить не может?

– А какую он легенду предложил? Он чего-то придумал, иначе зачем ему именно такой зверь нужен? Наверное, об общественном мнении говорил, о спокойствии?

– Точно. Главное, только не смейся, я эту «тюльку» проглотил. Решил, задержим киллера, начальство, как положено, щеки надует, грудь выпятит. Плевать, главное – дадут широкую прессу, телевидение, растреляют. Решил, пусть себе играют, а люди увидят, что менты хоть и сами полудохлые, а мышек еще ловят. Лишь позже подумал: что-то тут, зайка, не так, уж больно проста морковка.

– А может, на воду дуешь? – неуверенно произнес Еланчук. – «Киллер» – слово красивое, иностранное, употребляют повсеместно, а первоначальное значение утеряно. Твой генерал наслушался, начитался и повторил. А ты всерьез принял.

– Плохо то, что лично мой генерал тебе известен, он не профессор в данном деле, давно академик. Это министра либо какого-нибудь вертухая из президентской команды можно на козе объехать, а моего генерала ни голыми руками, ни в каких перчатках не возьмешь. С просьбой обратился человек вышестоящий.

– А с вышестоящими пусть твой умный генерал договаривается.

– Ты меня не учи! – рассердился Гуров. – Как из петли выскочить и сбежать, сам соображу. Я тебе конкретный вопрос задал, изволь думать.

– Так я в убийцах меньше тебя понимаю, раз в несколько меньше.

Гуров остановился, оглядел бывшего гэбэшника, пожал плечами.

– Ты, Юрий Петрович, не придуривайся. Я тебя не о преступниках спрашиваю, а о политиках. Я газеты мельком просматриваю, по «ящику» спорт и мультяшки смотрю. Ну, АО «МММ», Ленью Голубкова знаю. А ты в политических интригах ас. Чего вельможные задумали или могли задумать? Зачем им киллер понадобился? Не желаю, чтобы меня словно слепого кутенка втемную использовали!

– А ты, Лев Иванович, оказывается, тоже живой и нормальный, вон как сердисься, – усмехнулся Еланчук, изучающе поглядывая на Гурова.

Еланчук говорил пустые слова, явно тянул время, обдумывая ответ, решая, что можно полковнику сказать, а что необязательно. Приняв решение, нехотя произнес:

– Тогда мне фамилии твоих графьев желательно знать.

Гуров назвал Бардина и депутата Доронина.

– Иона Пантелеевич – не рядовой депутат, далеко не рядовой. Ориентация его неясна, характеризуется как человек сильный, принципиальный, врагов имеет значительно больше, чем друзей, что при таком раскладе естественно.

– Ты информирован, Юрий Петрович. Может, знаешь ребят, которые по убийству депутата Сивкова работают? – спросил Гуров как бы между прочим.

– Нет. Ты знаешь, к расследованию убийств я отношения не имею.

– Ну-ну, – Гуров пожал плечами, – не хочешь, не говори.

– Я покручу твой кубик-рубик, – уклонился от продолжения разговора Еланчук. – Если что, звонить в приемную Орлова?

– Лучше всего. – Гуров повернул в сторону, где стояла их машина. – Я не рассчитывал, что ты мне вывалишь слиток золота, но какого-то результата, признаюсь, ожидал.

– Ну, какой-то я могу тебе предложить. К примеру, Харви Освальда готовили не один год. Парень убил или кто другой, но человека, которого на весь мир объявили убийцей, спецслужбы облизывали долго и тщательно.

– Если я возьму киллера, он больше никого не убьет... – Гуров запнулся, и Еланчук хлопнул его по плечу.

– Вот именно, уважаемый Лев Иванович, вот именно. – Он отключил у своего «Вольво» сигнализацию. – Ты задумался, а это уже кое-что, значит, твои труды по спасению моей облезлой шкуры в свое время не были уж совсем напрасными.

Гуров проехал мимо высокого забора правительственной резиденции, свернул на набережную, двинулся в сторону Киевского вокзала, припарковался неподалеку от поста ГАИ. Начал раскручивать идею, подсказанную гэбэшником.

Действительно, кто сказал, что розысникам дадут взять киллера? Приказано его выявить. Когда опыт ментов будет использован, нужный человек найден, исполнителей нетрудно будет при надобности заменить, а дело передать в другое ведомство.

Глава 5

В январе, за полгода до описываемых событий, Борис Галей принял решение и дал телеграмму: «Заказ принят. Будет выполнен в течение месяца, подтвердите условия оплаты».

На следующий день, вечером, Галей взглянул на открытую форточку на кухне Якова Исилина, удовлетворенно кивнул.

На работе Галей заявил, что в связи с ухудшением здоровья брата работать охранником не может. Готов сесть за руль и возить кого угодно хоть круглые сутки, лишь бы машина была в его распоряжении и он имел бы возможность возить брата на процедуры. Таким образом, он получил «Жигули» «шестерку» и ненормированный рабочий день, что всех устраивало.

«Клиент» – Белоус Олег Данилович, молодой, лет тридцати с небольшим, был элегантен, легок в движениях. Со стороны производил приятное впечатление. Каков он на самом деле, Галей не интересовало. Вообще он относился к банкиру как к предмету неодушевленному, который следует убрать с дороги и не иметь головной боли. Белоус работал на Пушкинской улице, а жил на Первомайской, ездил на «Мерседесе» с шофером и охранником.

Сначала Галей присмотрелся к двум парням, которые постоянно сопровождали хозяина, и довольно быстро выяснил, что шофер и охранник не профессионалы. В органах не служили и опасны лишь в рукопашной. Они были молодые, здоровые, уверенные в себе, охранник позволял себе выпивать, особенно когда сопровождал хозяина на прием.

Галей не имел возможности сменить машину, не мог рисковать и засветиться, поэтому вел наблюдение за лакированным «Мерседесом» лишь на дистанции, имея перед собой две или три машины. Если Галей на светофоре объект терял, то не суетился, не пускался в погоню, а оставлял дело на следующий день. Наемник и взял месячный срок, так как предвидел, что, ведя наблюдение в одиночку, не торопясь и не рискуя, затратит на подготовку много времени. Он составил расписание дня банкира, определил основные маршруты его передвижения, привычки охранников и самого «героя», кто и как входит и выходит из помещения, как садятся и выходят из машины.

Стрелял Галей хорошо. В годы службы в КГБ стрельбами не манкировал, занимался серьезно. Он вообще принадлежал к категории людей, которые любое дело делают обстоятельно либо не берутся за него. Конечно, легче и безопаснее было убрать парнишку из винтовки с оптическим прицелом, но это только теоретически. Практически даже лучшая винтовка – это футляр, предмет, который не спрячешь, следовательно, примета, и стрелять из винтовки с оптикой Галей давненько не приходилось, а даже отличному стрелку, чтобы перейти с одного вида оружия на другой, требуется время. Короче, стрелять он решил из пистолета. Из имеющегося у Галея оружия для такого выстрела подходил лишь «вальтер» девятого калибра с глушителем. Использовать «вальтер» было жалко, ведь придется его выбросить, а пистолет был великолепный, хорошо пристрелянный. Но Галей решил в таком деле не жмотиться.

Мест, в которых систематически и примерно в одно и то же время бывал банкир, определено было несколько: собственный дом, банк, любимый ресторанчик, в котором, видимо, проводились деловые встречи, квартира постоянной любовницы. Следовало определить, с какого места стрелять и как уходить. Дом любовницы Галей отмел – приготовишься, а «голубки» повздорят, ресторан тоже отпал. Случалось, что банкир в него заглядывал несколько раз на дню, но в разное время, а бывало, не посещал и день, и два. Лучшим местом для ликвидации Галей определил заасфальтированную площадку у подъезда дома банкира, а время – вечер, когда клиент и охранник часто бывали податые и уж наверняка уставшие.

Отмычками Галей выучился пользоваться на старой службе, замок на чердаке либо вообще отсутствовал, либо его можно было открыть и гвоздем. Так что с этой стороны препятствий не было. Через две недели после «подписания контракта» Галей поднялся на чердак

дома, расположенного напротив подъезда и заасфальтированной площадки, и без труда определил очень даже удобную позицию. Минуя чердак и открыв еще один замок, он установил, что имеет прекрасный путь отхода, откуда можно было спуститься во двор и через минуту оказаться на другой улице, где ходили троллейбус и автобус, а за пятнадцать минут можно пешком добраться до метро. Машину на дело он твердо решил не брать, знал: любой розыскник первым делом ищет свидетелей, а затем машину. С точки зрения ментов, машина должна использоваться обязательно, так в данном случае ее не будет.

Галей все приготовил, даже назначил день, когда заметил, что банкира пасет наружка. Значит, финансист замазался по-крупному. Галей уже совсем было приуныл, собрался звонить Якову и от дела отказываться, когда из чистого любопытства решил присмотреться, сколько человек и машин задействовали бывшие коллеги. Он в течение одного дня выяснил, что никакая это не наружка, а болтается за банкиром один парень и, судя по его действиям, он в наблюдении фраер. Тогда Галей переключил свое внимание с жертвы на внезапно объявившегося преследователя, который недолго покрутился у дома банкира. Изображая приезжего, хотя иногороднему в этом районе делать было абсолютно нечего, зашел во двор и через несколько минут мелькнул в слуховом окне, которое чернело рядом с парадным подъездом. Галею это было хорошо понятно, так как неделю назад он сам обратил внимание на это подвальное окно и так же обошел дом, но дальше не полез, потому что двор был узкий, днем полон детей, а вечерами отлично просматривался из окон первого этажа. Захаживали во двор и мужички с бутылками, и молодые влюбленные – в общем, место для дела негодящееся.

Сомнения отпали. Яков торопился. Видно, хозяин шибко подгонял, и вот наняли дублера. Галей обиделся, но не потому, что не доверяют, а что заменили на фраера, скорее всего смертника, потому что подобных «исполнителей» надолго в живых не оставляют, используют как одноразовый шприц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.